

Ш*ученые*Ш*
ДЭ
КОЛЬНИКУ

Н. Н. Яковлев

Весна Победы

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ ЯКОВЛЕВ — известный советский историк-публицист. Родился в 1927 г., окончил исторический факультет Московского государственного института международных отношений и одновременно, экстерном, юридический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. Н. Н. Яковлев в 1955 г. защитил кандидатскую диссертацию, а в 1962 г. стал доктором исторических наук, профессором. Около 25 лет работает в Академии наук СССР. Н. Н. Яковлев —

автор почти двух десятков книг: «Новейшая история США», «Преступившие грань», «Франклин Рузвельт — человек и политик», «Революция защищается», «Вашингтон», «Загадка Пирл-Харбора», «Си-луэт Вашингтона», «ЦРУ против СССР» и др. Книги Н. Н. Яковлева переведены и изданы в странах социалистического содружества, а также в США, Аргентине, Италии.

Н. Н. Яковлев

Библиотечка
Детской
энциклопедии

Весна Победы

Редакционная
коллегия:

И. В. Петрянов
(главный редактор),
И. Л. Кнунянц,
А. Л. Нарочницкий

Москва
«Педагогика» 1985

ББК 63.3(0)62
Я47

Рецензенты:

доктор исторических наук

Б. И. Марушкин,

кандидат военных наук

И. С. Желтиков

Яковлев Н. Н.

Я47 Весна Победы. — М.: Педагогика, 1985. — 128 с.,
ил. — (Б-чка Детской энциклопедии «Ученые —
школьнику»).

40 коп.

Эта книга о Победе советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Автор — известный советский историк-публицист рассказывает о героизме советских людей, об освобождении народов Европы от фашистского ига.

Для старшеклассников.

Я 4306000000-071
005(01)-85 56-85

ББК 63.3(0)62

Воскресенье **22** июня

1941

РОДИНА-МАТЬ ЗОВЕТ!

ВОЕННАЯ ПРИСЯГА

Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступаю в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии, принимаю присягу и обязуюсь бороться беспощадно, храбро, дисциплинированно, безбоязненно, строго чуждым мотовству и суровости, доблестью, безбратскими подвигами, самоотверженностью и преданностью до последней капли крови.

Я обязуюсь доблестно и мужественно вести, выдержать борьбу, выстоять и выиграть войну и по окончании войны быть верным сыном Народа, советской Родины и Рабоче-Крестьянской Правительству.

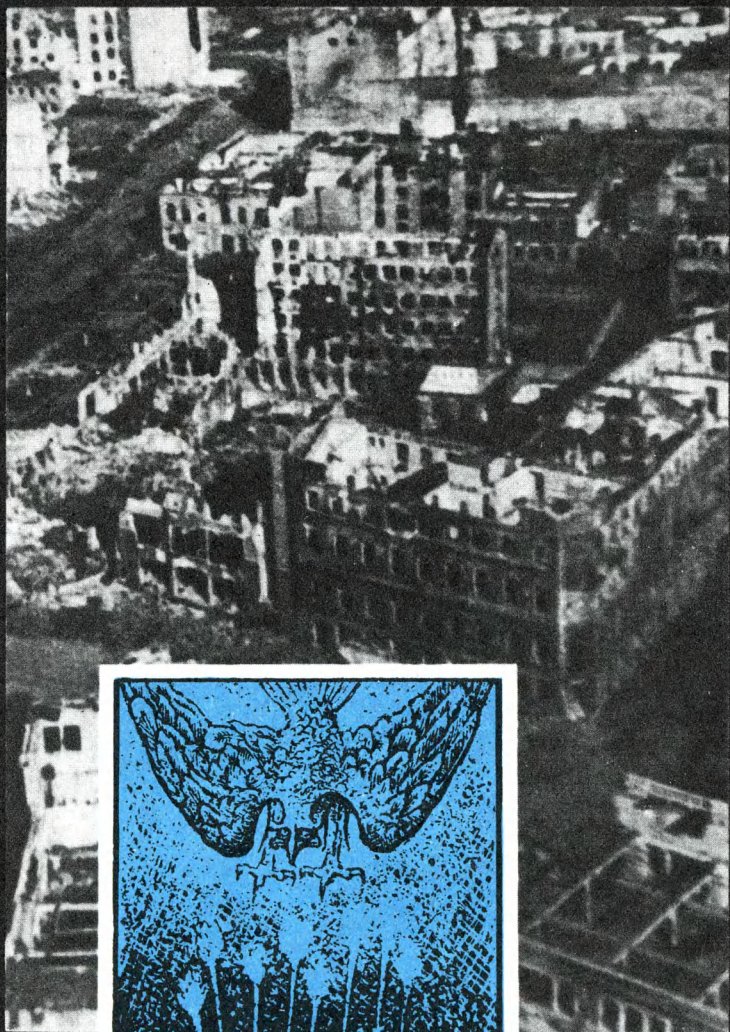
Я обещаю лично по приказу Рабоче-Крестьянского Правительства исполнять по своему разумению, Совету Советских Социалистических Республик и, как член Рабоче-Крестьянской Красной Армии, и выполнять все приказанные, указы, с дисциплиной и честью, не поддаваясь врагу и своим жителям для достижения полной победы над врагом.

Если же по своему разуму и сердцу я не могу принять присягу, то пусть меня поставят сурово перед советским законом, обязывающим к принятию присяги.

РОДИНА-МАТЬ
ЗОВЕТ!

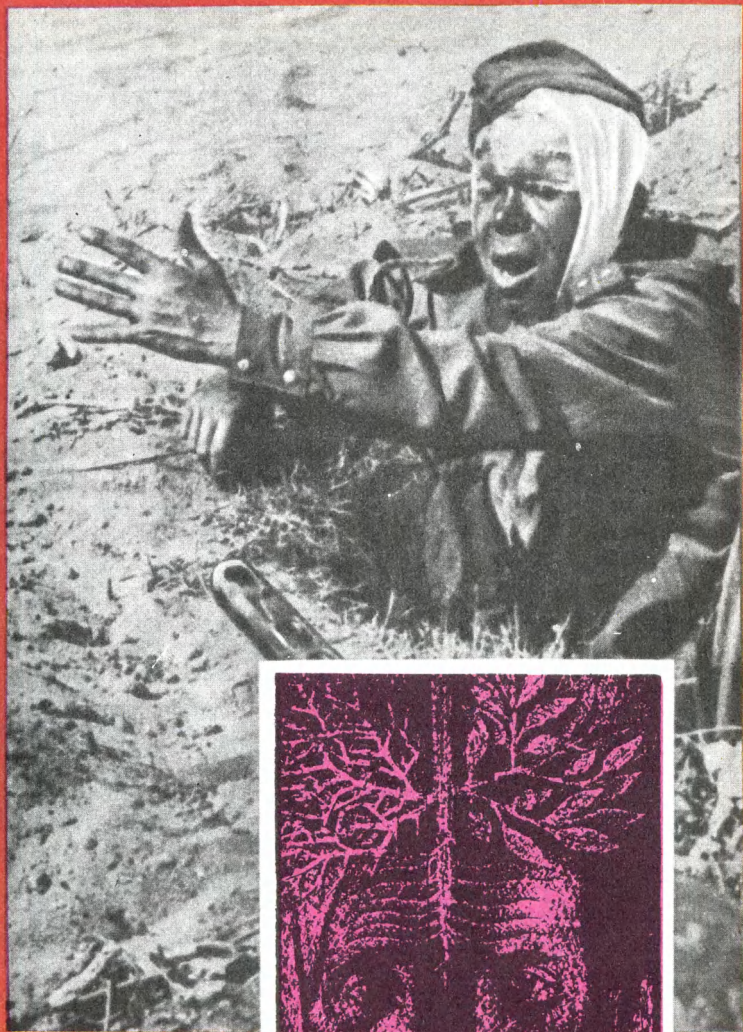

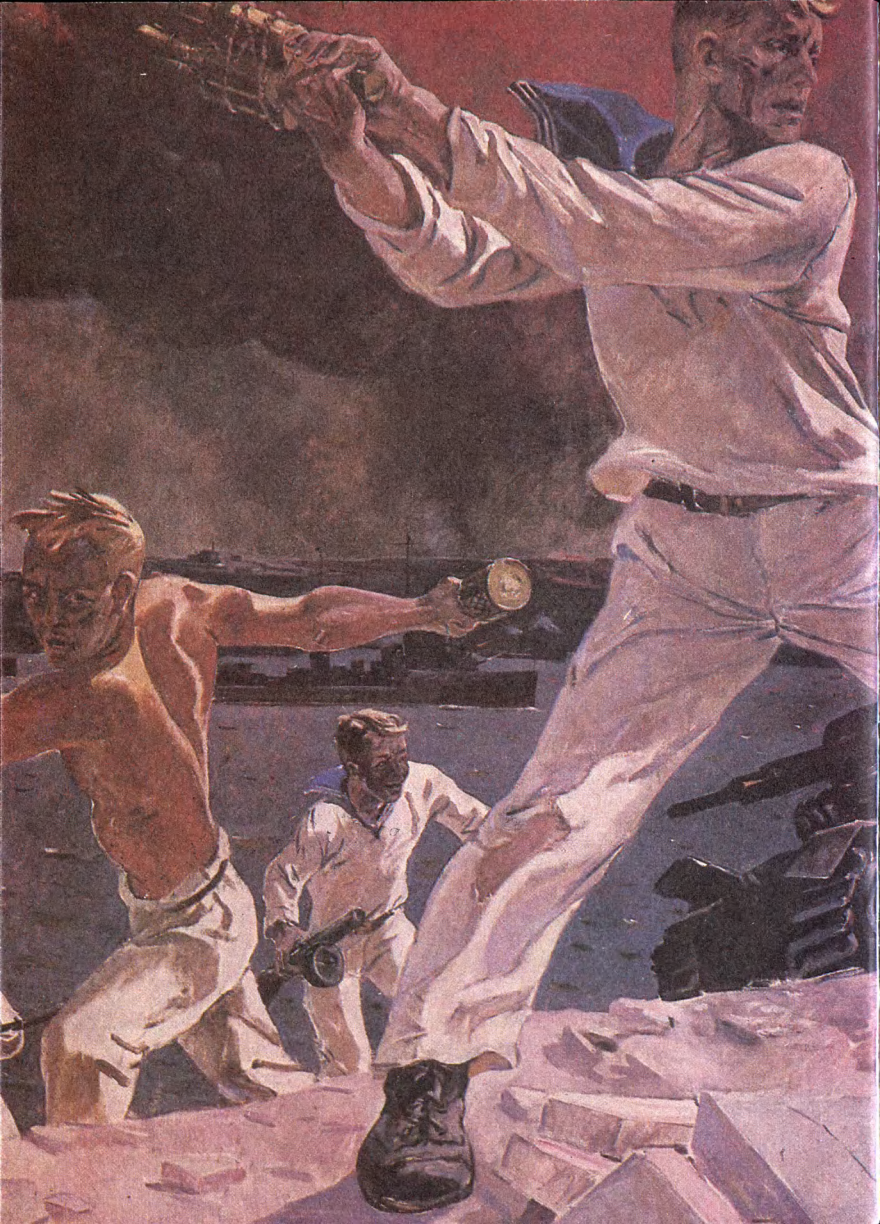

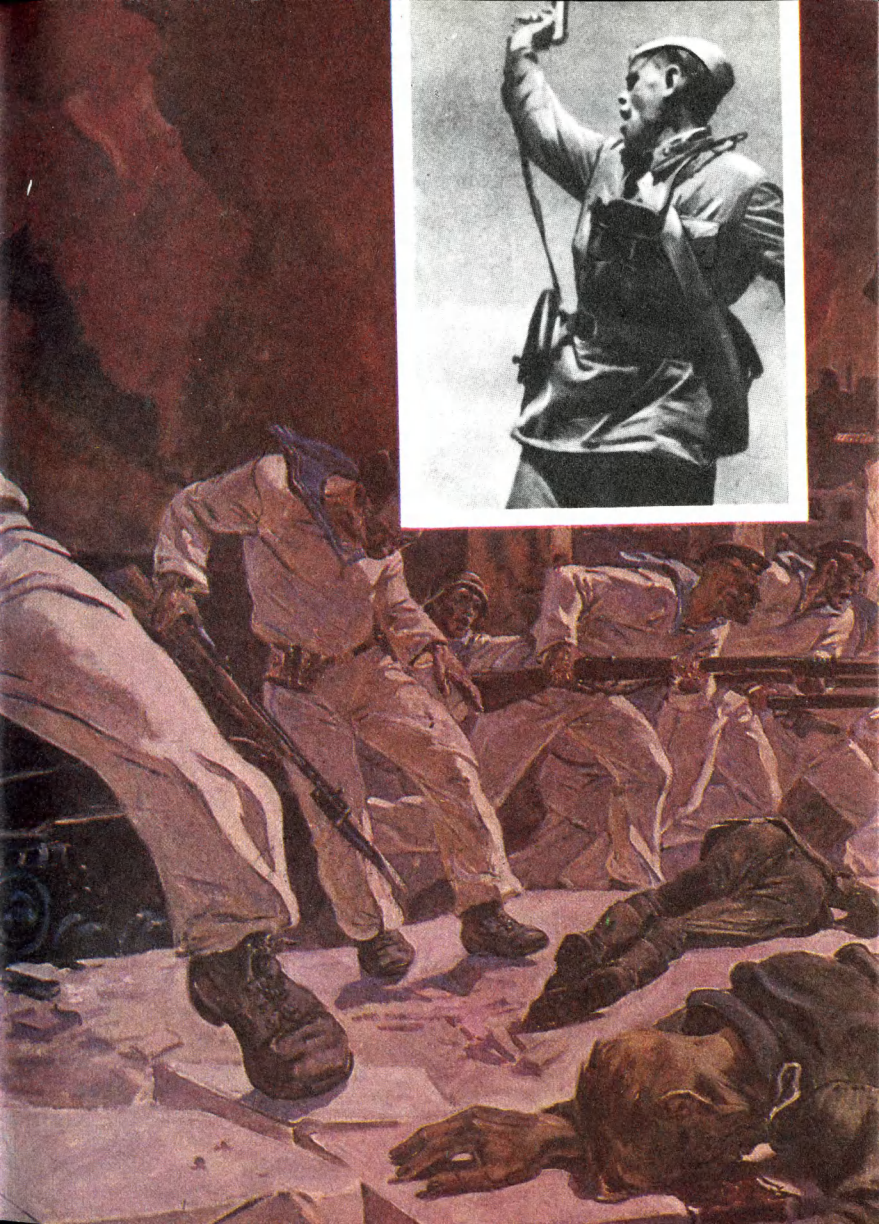

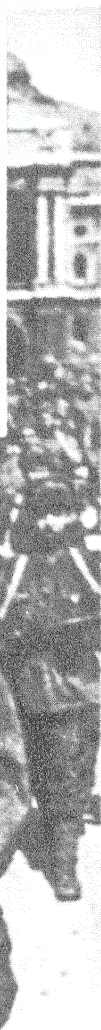

В истории давно отмечено, что с окончанием войн вспыхивают «книжные» баталии. Гигантский военный катаклизм, потрясший человечество в 1939—1945 гг., и освещение его в печати в последующем — яркое тому доказательство. В этой неслыханной по размаху и ожесточенности войне потерпели поражение самые темные силы международной реакции, в первую очередь германский фашизм. Основное бремя борьбы с агрессорами вынес на своих плечах Советский Союз, спасший народы от порабощения и физического истребления. Это и пытаются перечеркнуть на Западе.

Особые усилия в этом отношении прилагают западные историки, публицисты и политики, освещая заключительный этап войны, когда Германия оказалась в тисках между советско-германским и западным фронтами. Вопреки очевидным фактам, они стремятся изобразить дело так, будто бы основную роль в разгроме Германии сыграли американо-английские армии.

В Великой Отечественной войне наши армия и флот не только отстаивали независимость своей страны, своего народа, но и оказали действенную помощь народам Европы в их борьбе против фашизма. Мы заплатили дорогую цену за освобождение народов Европы. В боях за пределами наших границ пало свыше 1 млн. советских солдат и офицеров.

Обращение к последним месяцам войны в Европе поэтому в высшей степени поучительно. Это важно не только для того, чтобы напомнить, как в действительности происходили события, но и для понимания

причин, по которым на Западе по сей день создают извращенную картину победоносного финала войны против гитлеровской Германии.

40 лет назад мы одержали великую Победу в войне и ныне обязаны защитить память солдат Великой Отечественной, павших ради того, чтобы могла существовать цивилизация.

К исходу года 1944 измученные народы Европы все отчетливее понимали — идет последняя военная зима. Фашистский зверь будет добит, не переживет следующего года. Залогом этой светлой надежды были исполинские свершения нашей Родины в уходящем 1944 году, который навсегда вошел в историю как год решающих побед Красной Армии.

Еще летом, когда началось наступление по всему советско-германскому фронту, завершилось освобождение родной земли. Наши войска очистили от фашистской нечисти территорию в 600 тыс. км², на которой проживало до войны 20 млн. человек. Противник удерживал только небольшой район в Прибалтике. Советский солдат, наконец, победоносно переступил рубежи Отчизны, продолжая гнать врага.

Но путь в Берлин отнюдь не был прямым. Красная Армия к концу 1944 г. освободила Румынию и Болгарию, частично Польшу, Чехословакию, Венгрию, Югославию и Норвегию — территорию в общей сложности около 800 тыс. км². На ней в 1937 г. жило примерно 35 млн. европейцев.

Новый, 1945 год наши доблестные войска встретили на фронте протяженностью в 2200 км (вместо 4400 км в 1944 г.). Под ударами советских войск Финляндия вышла из войны. Части Красной Армии успешно продвигались по Северной Норвегии. Собственно линия советско-германского фронта начиналась от побережья Балтийского моря, оттуда шла в южном направлении по линии Тукумс, Лиепая, Клайпеда (Мемель), река Неман до Юрбаркас, затем Варшава, Ясло, Кошице, Эстергом, озеро Балатон, река Драва у Торянца. Это уже на территории Югославии.

В Европу Красная Армия вступила в зените своего могущества.

Численность войск действующей армии к этому моменту была 6,7 млн. человек, 107,3 тыс. орудий и минометов, 12,1 тыс. танков и самоходно-артиллерийских установок (САУ), 14,7 тыс. боевых самолетов. В резерве Ставки Верховного Главнокомандования еще 501,1 тыс. войск, 6883 орудий и минометов, 520 танков и САУ, 464 боевых самолета. Теперь вместе с Красной Армией действовали польская, две румынские, болгарская армии, чехословацкий армейский корпус, французский авиационный полк «Нормандия — Неман». Они также освобождали Европу, имея 347,1 тыс. солдат и офицеров, 3979 орудий и минометов, 180 танков и САУ, 427 боевых самолетов. Вооружение и снаряжение в основном шло за счет советских поставок.

Хотя позади было три с половиной года неслыханной по напряженности вооруженной борьбы, в ходе которой враг временно оккупировал и разорил громадные территории нашей страны, социалистическая экономика обеспечивала потребности Красной Армии. То было невиданное в истории достижение. Нужно помнить — гитлеровская Германия для войны против СССР мобилизовала не только свои ресурсы, но на нее работала промышленность всей континентальной Европы. И что же? Советский Союз оставил позади Германию по выпуску всех видов боевой техники.

С момента разгрома под Москвой в 1941 г. и под Сталинградом в 1943 г. Красная Армия гнала немецко-фашистские полчища на Запад, туда, откуда они начали свой разбойничий поход. Гнала... Были ожесточенные сражения, штурмы бесконечных рубежей, за которыми пытались удержаться гитлеровцы. Выбитые из них, они по приказу гитлеровского руководства оставляли за собой «выжженную зем-

лю». Уничтожались наши города, предприятия и железные дороги, шахты, мартены, истреблялось или угонялось в неволю мирное население...

Делалось все, чтобы опустошить землю, попавшую под кованый сапог немецкого солдата. В руинах лежал Донбасс, тяжелая индустрия Юга, промышленные районы многих и многих городов. Но в 1944 г. валовой выпуск промышленной продукции на 4% превысил довоенный уровень! Могучую промышленную базу на Востоке страны, расширенную эвакуированными заводами, буквально ежемесячно пополняли предприятия, восстанавливаемые на освобожденной территории. Это позволяло в достатке обеспечивать фронт всем необходимым.

Никто теперь в странах — противниках нацистской Германии, конечно, не сомневался, что гитлеровцы проигрывают войну. Но было не менее ясно — водрузить знамя Победы в Берлине не так просто, потребуется еще немало усилий и жертв.

Путь к победе преграждали вооруженные силы Германии. В действующей немецкой армии было 5,4 млн. человек. Серией тотальных мобилизаций гитлеровскому руководству удалось к началу 1945 г. довести общую численность вермахта до 9,4 млн. человек. Плюс 350 тыс. человек в иностранных формированиях. На вооружении вермахта — 110,1 тыс. орудий и минометов, до 13,2 тыс. танков и штурмовых орудий, свыше 7 тыс. боевых самолетов. 1,5 млн. человек насчитывало ополчение — фольксштурм, которое начало создаваться по приказу Гитлера с 25 сентября 1944 г. Под ружьем, следовательно, оказались практически все мужчины Германии, способные носить оружие. Фашистские главари, под водительством которых вермахт запятнал себя бесчисленными военными преступлениями, теперь объявляли немцам, что идет-де «народная» война. Границы военных округов в Германии приводились

в соответствии с партийными округами. Партийные бонзы с большой помпой принимали участие в переименовании многих пехотных дивизий в народно-гренадерские. Части артиллерии резерва Верховного Главнокомандования сводились в народные артиллерийские корпуса.

Все это делалось под треск иступленной нацистской пропаганды. 25 ноября 1944 г. по всем германским войскам, до последнего солдата, огласили приказ фюрера. Отныне предписывалось: в случае, если часть или соединение оказывались в безнадежном положении, командир опрашивал сначала офицеров, а затем солдат, кто из них желает принять командование и продолжить бой. Если такой доброволец найдется, пусть солдат, он и должен заменить командира, даже генерала, и воевать до конца.

Нацистские внушения действовали еще разве только на юнцов, воспитанных в рядах гитлерюгенда. Упорство в бою кадровых солдат и офицеров вермахта в значительной степени объяснялось тем, что они прекрасно помнили о своих злодеяниях на временно захваченных территориях, прежде всего на советской земле. Они знали о предупреждении, сделанном Объединенными Нациями, в том, что виновные в военных преступлениях будут доставлены на место их совершения, где суд воздаст им по заслугам. Солдаты и офицеры продолжали бессмысленное сопротивление, спасаясь от сурового возмездия.

Лучшие соединения вермахта находились на Восточном фронте, сражаясь с Красной Армией. Это 3,7 млн. человек, имевших 56,2 тыс. орудий и минометов, 8,1 тыс. танков и штурмовых орудий, 4,1 тыс. самолетов. Гитлеровцы занимали сильно укрепленные позиции.

В начале ноября 1944 г. наши войска на западном стратегическом направлении, т. е. на кратчайшем пути к Берлину, были вынуждены перейти к

обороне. Сказалось нечеловеческое напряжение многомесячных боев, в ходе которых с лета 1944 г. советские солдаты прошли от Белоруссии до Вислы. Нужно было накопить силы и средства перед тем, как возобновить наступление, которое должно было оказаться последним в этой долгой и кровопролитной войне. Предстояло разработать планы быстрее и окончательного разгрома врага. Стремительные операции требовали обстоятельной и неторопливой подготовки.

Генеральный штаб к этому времени накопил громадный опыт планирования стратегических операций. Под руководством заместителя начальника Генштаба А. И. Антонова работала группа выдающихся генералов: С. М. Штеменко, А. А. Грызлов, Н. А. Ломов. С конца октября руководство Генштаба занялось этой многотрудной работой, которая началась с оценки стратегического положения сторон. С величайшим удовлетворением Генштаб заключил: победы Красной Армии уже решили исход войны. Оставалось добить врага.

Рассмотрев и просчитав различные варианты, Оперативное управление Генштаба остановилось на том, чтобы нанести решающий удар на центральном участке советско-германского фронта. Однако на исходе 1944 г. именно здесь находились крупные силы врага, плотность обороны гитлеровцев была очень высокой. Если враг встретит наше наступление в этом построении своих войск, неизбежны не только излишние потери, но и затяжка войны в Европе. Вывод однозначен — нужно оттянуть силы врага на другие участки стратегического фронта. Следовательно, провести энергичные наступательные операции в Восточной Пруссии и на юге — в Венгрии и Австрии.

Пока продолжалась разработка завершающего наступления на Берлин, советские войска нанесли в

ноябре — декабре удары в Восточной Пруссии и с тяжелыми боями продвинулись в Венгрии. Для защиты форпоста прусского милитаризма — Восточной Пруссии Гитлер сосредоточил здесь 26 дивизий (из них 7 танковых). Чувствительными оказались в ставке Гитлера к нашим операциям на южном крыле советско-германского фронта. Сюда гитлеровцы стянули 55 дивизий (из них 9 танковых). После войны открылось — в то время Гитлера постигло очередное «озарение»: он вычислил — главный удар Красной Армии последует-де через Венгрию и Чехию, чтобы лишить Германию оставшихся ресурсов стратегического сырья (нефти и бокситов). Следовательно, по мнению фюрера, цель «русских» не Берлин, а Прага.

Если так, тогда немудрено, что на центральном участке советско-германского фронта осталось 49 дивизий (из них 5 танковых). Советский Генеральный штаб проявил редчайшую в истории войн прозорливость. Больше того, внушив врагу ложное представление о наших намерениях, заставил его ослабить свои силы на решающем направлении и идти навстречу эпохальному сражению в крайне невыгодной для себя группировке. Превосходство советской военной стратегии налицо!

Ослабление вражеского фронта на берлинском направлении подсказывало наилучший образ действия — расцезь вражеские группировки, расчлнить их и идти прямо на Берлин. Штабные операторы, подсчитав примерные сроки, сочли, что Германия будет окончательно разгромлена после начала решающего наступления Красной Армии за 45 дней. Наступление планировалось на глубину 600—700 км, двумя этапами в 15 и 30 дней без оперативной паузы между ними.

Овладение Восточной Пруссией и наступление в районах, прилегающих к побережью Балтийского

моря, возлагались на 2-й Белорусский фронт (командующий — Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский); наступление на общем направлении — Варшава, Познань и взятие Берлина — на 1-й Белорусский фронт (командующий — Маршал Советского Союза Г. К. Жуков). Южнее наносил удар 1-й Украинский фронт (командующий — Маршал Советского Союза И. С. Конев). Итак, прославленным полководцам — Г. К. Жукову, И. С. Коневу и К. К. Рокоссовскому предстояло привести надежные и испытанные войска в сердце фашистского рейха, положив конец беспримерной в истории человечества войне. В течение ноября — декабря 1944 г. планы наступления неоднократно рассматривались в Ставке Верховного Главнокомандования, возглавлявшейся И. В. Сталиным. На совещаниях в Ставке принимали участие командующие фронтами. Ставка приняла предложение заместителя Верховного Главнокомандующего Г. К. Жукова по действиям вверенного ему фронта. Маршал Жуков доказал, что удар прямо на Запад на первом этапе был затруднителен, ибо войскам с самого начала пришлось бы пробивать сильно укрепленные немецкие позиции. Он настоял на первоначальном ударе на Лодзь, а затем уже на Познань. Это потребовало, естественно, некоторого смещения оси наступления сопредельного 1-го Украинского фронта.

В конце декабря 1944 г. Ставка утвердила планы операций. Днем начала наступления на главном направлении назначили 20 января 1945 г. СССР сражался в составе коалиции, и происходившее на других фронтах неизбежно затрагивало развитие событий на советско-германском фронте.

«Мы не сможем ускользнуть через Дюнкерк на этот раз, ибо он в руках у немцев», — писал командующий английскими войсками на западном фронте фельдмаршал Б. Монтгомери начальнику гене-

рального штаба фельдмаршалу А. Бруку. Писал в конце декабря 1944 г., как раз тогда, когда в высших советских штабах уверенно прочерчивались направления завершающих ударов войны. Так что же происходило в это время на западном фронте?

С открытия в июне 1944 г. «второго фронта» в Европе — высадки войск западных союзников в Нормандии — и до конца года были освобождены Франция, Бельгия, Люксембург, часть территории Голландии. 660-километровый западный фронт проходил от устья реки Маас до швейцарской границы. Кроме того, с сентября 1943 г. США и Англия вели неторопливую кампанию на территории Италии. Всего на западном и итальянском фронтах они имели войска численностью 5,7 млн. человек, 50 тыс. орудий и минометов, 16,1 тыс. танков, 16,7 тыс. боевых самолетов. Им противостояли немецкие войска, насчитывающие 1,9 млн. человек, 45 тыс. орудий и минометов, 3,5 тыс. танков и штурмовых орудий, 2,7 тыс. самолетов.

Несмотря на подавляющее превосходство в силах США и Англии, к ноябрю 1944 г. западный фронт стабилизировался. Союзное командование объясняло это тем, что гитлеровцы упорно обороняют «линию Зигфрида» — укрепления вдоль западной границы Германии. Нужно подтянуть резервы, накопить запасы, и только тогда возможно продвижение дальше. Так гласили официальные версии в газетах и по радио.

Однако высший английский генералитет знал, что основная причина — неумение вести масштабные операции. Между английскими и американскими командующими усилились разногласия. 17 ноября 1944 г. Монтгомери пишет Бруку: Верховный Главнокомандующий западных союзников в Европе генерал Д. Эйзенхауэр «ничем не командовал раньше, на протяжении всей своей военной службы, теперь

впервые ему приходится руководить крупными операциями, и он просто не знает, как это делать». Вскоре после этого Монтгомери в очередном письме Бруку просит изыскать возможность снять с постов как Эйзенхауэра, так и командующего американскими войсками на западном фронте генерала О. Брэдли. «Как сделать это, я не знаю, но, если это не будет сделано, война затянется. Я надеюсь, что в Америке поймут, что из-за такого ведения нами дел на западном фронте с 1 сентября 1944 г. война с Германией затянется на весь 1945 год».

Фельдмаршал Брук в свою очередь докладывал премьер-министру Англии У. Черчиллю: стратегия Эйзенхауэра — «сухое сумасшествие». Имелось в виду, что Эйзенхауэр стоял за равномерное оттеснение противника, резко выступая против предложений Монтгомери прорвать вражеский фронт, расчленив и разбив по частям фашистские войска. Итак, характер споров не менял очевидного — войска западных союзников оказались в стратегическом тупике.

Эйзенхауэр и высший американский генералитет, надо думать, не слишком сокрушались. Они, несомненно, ожидали нового наступления Красной Армии, которое заставит гитлеровцев убрать живую силу и технику с западного фронта и только тогда возобновить свое продвижение. Это полностью соответствовало политике Вашингтона с 1941 г. — выжидать, когда СССР истечет кровью в войне с Германией.хлопоты Монтгомери объяснялись не тем, что в Лондоне были противники этой политики, напротив, английское правительство проводило ее с не меньшим энтузиазмом, чем американское. Но к 1945 г. последствия этой политики — непомерная затяжка всей войны — сказались на Англии. Стране было трудно дальше выдерживать военное напряжение.

Гитлеровское руководство отнюдь не сидело сложа руки перед лицом неминуемого поражения. В конце 1944 г. Гитлер сделал отчаянную попытку повернуть течение войны в пользу Германии. Почитая себя великим политиком, он решил ввести политику в военную стратегию, разорвав заколдованный круг — ведение войны на два фронта. Гитлер задумал нанести сильнейший удар на западном фронте. Памятуя о том, что западные союзники затягивали открытие «второго фронта» с тем, чтобы фатально ослабить Советский Союз в единоборстве с Германией и ее сателлитами, он был уверен — Москва оплатит Вашингтону и Лондону той же монетой. На этом оказавшемся иллюзорном политическом расчете, а не на военном превосходстве в силах и строился замысел всего наступления.

Фюрер на секретных совещаниях со своими генералами требовал брать пример с Советского Союза. «Наше положение ничем не отличается от положения русских в 1941—1942 годах, — поучал он. — Русские также были в самых трудных обстоятельствах, но они начали проводить отдельные наступательные операции на нашем длинном фронте и постепенно стали оттеснять нас назад». Даже в тактических приемах Гитлер требовал копировать Красную Армию. Памятуя о том, как была сокрушена оборона германской группы армий «Центр» в Белоруссии летом 1944 г., он предписал действовать точно так же, как действовали советские войска. В отличие от прежних бездарных немецких атак Гитлер предписал прорвать оборонительный рубеж пехотой при поддержке штурмовых орудий, а танки вводить уже в прорыв.

Для удара Гитлер избрал труднопроходимые Арденны, где 115 км фронта удерживали 4 американские дивизии. Против них выступили 6-я танковая армия СС, 5-я танковая армия и 7-я общевойско-

вая. Всего 21 дивизия, имевшая в ударной группировке около 900 танков и штурмовых орудий.

Немцы напали внезапно. Еще в 1940 г. английская и американская разведки раскрыли секрет немецких шифровальных машин, и с тех пор все, что передавали гитлеровцы шифром в эфир, было открытой книгой для штабов западных союзников, в которых этот таинственный источник был известен как «ультра». Перед наступлением в Арденнах, однако, командование вермахта ввело строжайшую секретность, приказы передавались через офицеров или, в крайнем случае, по проводной связи. Привыкнув полагаться на «ультра», войсковые разведчики американо-английских войск на этот раз пропустили очевидные признаки надвигающегося наступления.

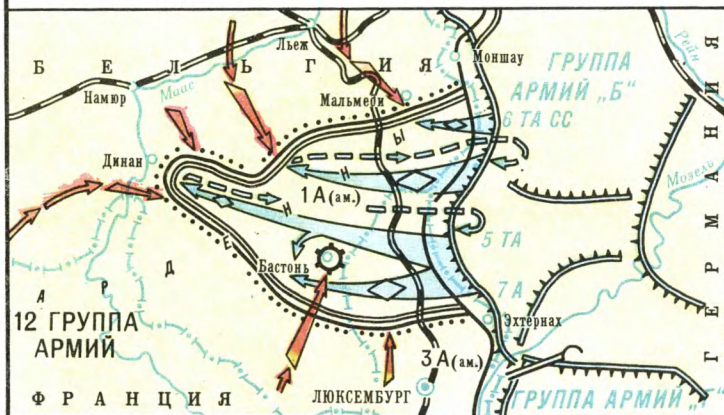
Замысел операции — стремительным наступлением на северо-запад, вплоть до занятия Антверпена, отрезать все английские войска и некоторые американские, погнать их к морскому побережью и уничтожить. По мнению Гитлера, этот успех должен был стать поворотным пунктом в войне, заставив США и Англию искать сепаратный мир с Германией. Затем обратить все силы для войны против СССР.

Когда зимним рассветом 16 декабря 1944 г. фашистские дивизии двинулись в Арденнах, командование западных союзников было застигнуто врасплох. У американского генералитета уже вошло в привычку наслаждаться положением победителей в Европе. 16 декабря Эйзенхауэр с утра удовлетворил просьбу Монтгомери об отъезде на Рождество в Англию, а затем почти со всем штабом отправился из Парижа в церковь в Версале на бракосочетание: венчался его камердинер.

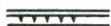
Штаб 1-й американской армии, а именно она подверглась удару в Арденнах, разместился в роскошном отеле в курортном городе Спа — местопребывании немецкой ставки в первую мировую войну. Ко-

АРДЕННСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

16 декабря 1944 г. – 28 января 1945 г.

Германские укрепления—«линия Зигфрида»

Линия фронта к исходу 15 декабря 1944 г.

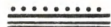
Направления ударов немецко-фашистских войск 16–25 декабря

Оборона окруженной 101 воздушно-десантной дивизии (ам.)

Контрудары американско-английских войск 22–25 декабря

Линия фронта к исходу 25 декабря

Отход немецко-фашистских войск в январе 1945 г.

мандующий армией генерал К. Ходжес занял именно тот номер, в котором в 1918 г. кайзеру доложили: война проиграна. Впрочем, в тот день, 16 декабря, Ходжесу и группе американских генералов, включая О. Брэдли, было не до исторических воспоминаний. Они были заняты куда более прозаическим делом: из Льежа привезли для них охотничьи ружья и генералы подбирали их по руке. А неукротимый

фельдмаршал Монтгомери играл в гольф. Потом, конечно, сочинили легенды о храбрых полководцах, но действительность была именно такой.

А тем временем в Арденнах американские солдаты в панике бежали от немецких танков. Опьяненные забытым чувством победы, гитлеровцы вернулись к своей обычной практике. У местечка Мальмеди эсэсовцы 17 декабря собрали около 150 американских пленных и расстреляли их из пулеметов. В Вашингтоне президент Рузвельт откомментировал: «Прекрасно, это побудит наших солдат относиться к немцам так, как они уже научились относиться к япошкам». Он был расстроен, американские войска в первые дни немецкого наступления либо бежали, либо сдавались в плен.

Поднялась паника. Она захватила даже самые высшие американские чины. Командующему 3-й американской армией Паттону был отдан приказ атаковать к югу от расширявшегося немецкого клина. Паттон понял: безмятежной жизни пришел конец. Он бросил в атаку свои войска, но без большого успеха. На северном фланге немецкого клина распоряжался фельдмаршал Монтгомери, которому в спешке передали в подчинение и американские соединения.

Эйзенхауэр не ждал больших результатов от всех этих мероприятий. 21 декабря он диктует телеграмму председателю комитета начальников штабов Дж. Маршаллу: «Чрезвычайно важно с максимальной быстротой получить от русских хоть какие-нибудь сведения об их стратегических и тактических намерениях».

Тревога среди высших военных руководителей США нарастала. Они поняли: взвалив в коалиционной войне основное бремя на СССР, США, конечно, сэкономили собственные ресурсы, но то, что представлялось удивительно ловким ходом, обернулось серьезнейшим промахом. Вместо 215 дивизий,

намеченных по «программе победы», Вашингтон сформировал всего 89. Такой армией на обоих театрах — европейском и тихоокеанском — США располагали на рубеже 1944—1945 гг. Разгорающаяся схватка с немцами в Арденнах выявила резкую нехватку пехоты на фронте, тем более что в первые 5 дней сражения более 25 тыс. американских солдат и офицеров сдались в плен. Что делать?

27 декабря военный министр США Г. Стимсон долго совещался с генералом Дж. Маршаллом. Генерал объяснил ему: «Если Германия побьет нас в этом контрнаступлении и если русские не придут на помощь, нам придется пересмотреть ведение всей войны. Мы должны будем занять оборону вдоль германской границы, что вполне возможно, а затем пусть американский народ решает, хочет ли он продолжать войну, ибо для этого потребуется создание новых армий, необходимых для ведения ее».

Тем временем тяжелые бои в Арденнах продолжались. Хотя гитлеровцы не достигли своих честолюбивых целей, острие их клина углубилось на 90 км. Эйзенхауэр передал две американские армии Монгомери и стянул к прорыву войска с соседних участков, что привело 28 декабря к приостановке немецкого наступления. Однако гитлеровское руководство отнюдь не отказалось от планов его продолжения. В начале января 1945 г. последовали немецкие наступательные операции южнее Арденн, нацеленные на Эльзас. Для противодействия им Эйзенхауэру пришлось ослабить войска, действовавшие в районе Арденн. Он отдал приказ 3-й армии Паттона прекратить активные действия в Арденнах! Положение складывалось по пословице — голову вытянул, хвост увяз. Гитлеровцы определенно брали верх.

7 января генерал Бейкер из штаба Эйзенхауэра вернулся из срочной командировки в Вашингтон. Он доложил Эйзенхауэру, что выполнил поручение,

внушив военному министерству: «Если нам не окажут серьезной помощи, мы можем проиграть войну».

Начальник разведки генерал Стронг заявил на совещании под председательством Эйзенхауэра: «Все зависит от того, собираются ли русские наступать. Мы искренно надеемся, что они начнут свое наступление к концу февраля. Если этого не случится, немцы смогут снять много дивизий с восточного фронта и перебросить их против нас, на Запад».

Совещание состоялось 11 января, а на следующий день — 12 января началось великое наступление Красной Армии. Началось раньше намеченного срока. Почему?

СССР пришел на помощь США и Англии. Он отнюдь не был прост, генерал Эйзенхауэр. Увидев, что на вверенном ему фронте дела приняли скверный оборот, генерал под величайшим секретом обратился 21 декабря к президенту США Ф. Рузвельту и премьер-министру Англии У. Черчиллю, прося их выяснить намерения Советского Союза. Выяснить в такой форме, которая была равносильна отчаянной мольбе о помощи. Больше того, он просил президента и премьер-министра посодействовать, чтобы в Москве приняли его заместителя английского маршала авиации Теддера, который лично опишет Сталину бедственное положение на западном фронте.

24 декабря Рузвельт получил согласие Сталина принять и выслушать посланца западных союзников. Теддер отправился кружным путем в Москву через Средиземное море, но застрял на дороге из-за плохой погоды.

6 января У. Черчилль явился в штаб Д. Эйзенхауэра. Он ознакомился с положением на месте и в тот же день посылает И. В. Сталину красноречивое послание. Подчеркнув, что «на Западе идут очень тяжелые бои» и что «Эйзенхауэру очень желательно

и необходимо знать в общих чертах, что Вы предполагаете делать, так как это, конечно, отразится на всех его и наших решениях», Черчилль просил: «Я буду благодарен, если Вы сможете сообщить мне, можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте». На другой день Черчилль пишет Рузвельту: «Г-н президент, мы стоим перед лицом суровой действительности: нам нужно больше войск, чтобы вести войну».

В тот же день Черчилль получил ответ Сталина: «Мы готовимся к наступлению, но погода сейчас не благоприятствует нашему наступлению. Однако, учитывая положение наших союзников на западном фронте, Ставка Верховного Главнокомандования решила усиленным темпом закончить подготовку и, не считаясь с погодой, открыть широкие наступательные действия против немцев по всему центральному фронту не позже второй половины января. Можете не сомневаться, что мы сделаем все, что только возможно сделать для того, чтобы оказать содействие нашим славным союзным войскам».

Да, серьезно промахнулся Гитлер. Как завороченный, он все руководил боями на западном фронте, убедив себя и высший генералитет, что СССР не помешает им избивать армии своих союзников. На штабном совещании 9 января Гитлер самоуверенно изрек: «Русские не наступают только по политическим причинам». Начальник генерального штаба генерал Г. Гудериан поддержал фюрера: «Это из-за англичан», т. е. СССР-де не желает действовать на руку Лондону. Нацистские главари не понимали, что СССР был верен своим обязательствам по антигитлеровской коалиции.

Гитлеровцы к 15 января, когда рухнул немецкий восточный фронт от Балтики до Карпат, прекратили активные операции на Западе и во всевозрастающей

степени стали перебрасывать свои войска на Восток. Но Вашингтон и Лондон остались верны себе, т. е. практически сторонними наблюдателями нового исполнского сражения. Ссылаясь на ужасы, которые они претерпели от гитлеровцев в Арденнах (каждая из сторон потеряла примерно по 80 тыс. убитых, раненых и пропавших без вести), союзники практически прекратили военные действия.

Им нужно-де залечить раны, пополнить запасы и т. д. Разумеется, в переписке со Сталиным Рузвельт и Черчилль не скупились на комплименты в адрес Советского Союза, его армии и т. д.

В одном, однако, была проявлена невероятная расторопность. Черчилль в конце января потребовал от Эйзенхауэра сохранить в строжайшей тайне все, что касалось отношений с СССР в период сражения в Арденнах. Корреспондент американской радиовещательной корпорации НБС М. Мюллер, естественно, не посвященный в высокую политику, решил было сообщить об этом. Его немедленно выставили из Европы на родину, в США. Так начиналась кампания фальсификации на Западе этого периода второй мировой войны. Цель — скрыть от мировой общественности, как Советский Союз спас США и Англию от катастрофы.

В феврале 1945 г. И. В. Сталин в приказе по войскам так оценил происшедшее: «В январе нынешнего года Красная Армия обрушила на врага небывалый по силе удар на всем фронте от Балтики до Карпат. Она взломала на протяжении 1200 километров мощную оборону немцев, которую они создавали в течение ряда лет. В ходе наступления Красная Армия быстрыми и умелыми действиями отбросила врага далеко на Запад.

Успехи нашего зимнего наступления привели прежде всего к тому, что они сорвали зимнее наступление немцев на Западе, имевшее своей целью захват

Бельгии и Эльзаса, и дали возможность армиям наших союзников в свою очередь перейти в наступление против немцев и тем сомкнуть свои наступательные операции на Западе с наступательными операциями Красной Армии на Востоке».

Посмотрим, как это происходило.

От Вислы до Одера

Разгром немецкого восточного фронта. В начале 1945 г. 1-й Белорусский фронт под командованием маршала Г. К. Жукова и 1-й Украинский фронт под командованием маршала И. С. Конева имели три плацдарма по левому берегу Вислы в районах Магнушева, Пулавы и Сандомира. Немецкое командование понимало, что именно с них начнется советское наступление. Против этих плацдармов были стянуты лучшие немецкие соединения и резервы, по приказу Гитлера они были подведены поближе к фронту, что имело фатальные для гитлеровцев последствия — при артиллерийской подготовке в первый день наступления удалось накрыть огнем резервные немецкие дивизии, которые понесли громадные потери.

Войска маршалов Г. К. Жукова и И. С. Конева имели 2203 тыс. человек, 33,5 тыс. орудий и минометов, более 7 тыс. танков и САУ, 5 тыс. боевых самолетов. И это на фронте протяженностью в 480 км, где у противника было 560 тыс. солдат и офицеров, 5 тыс. орудий и минометов, 1220 танков и 630 боевых самолетов. Тогда на что рассчитывали гитлеровцы?

Прежде всего в немецких штабах даже отдаленно не представляли силы подготовленного удара. Провалились все звенья немецкой разведки — от войсковой до стратегической. Германские генштабисты исчисляли силы 1-го Белорусского фронта все-

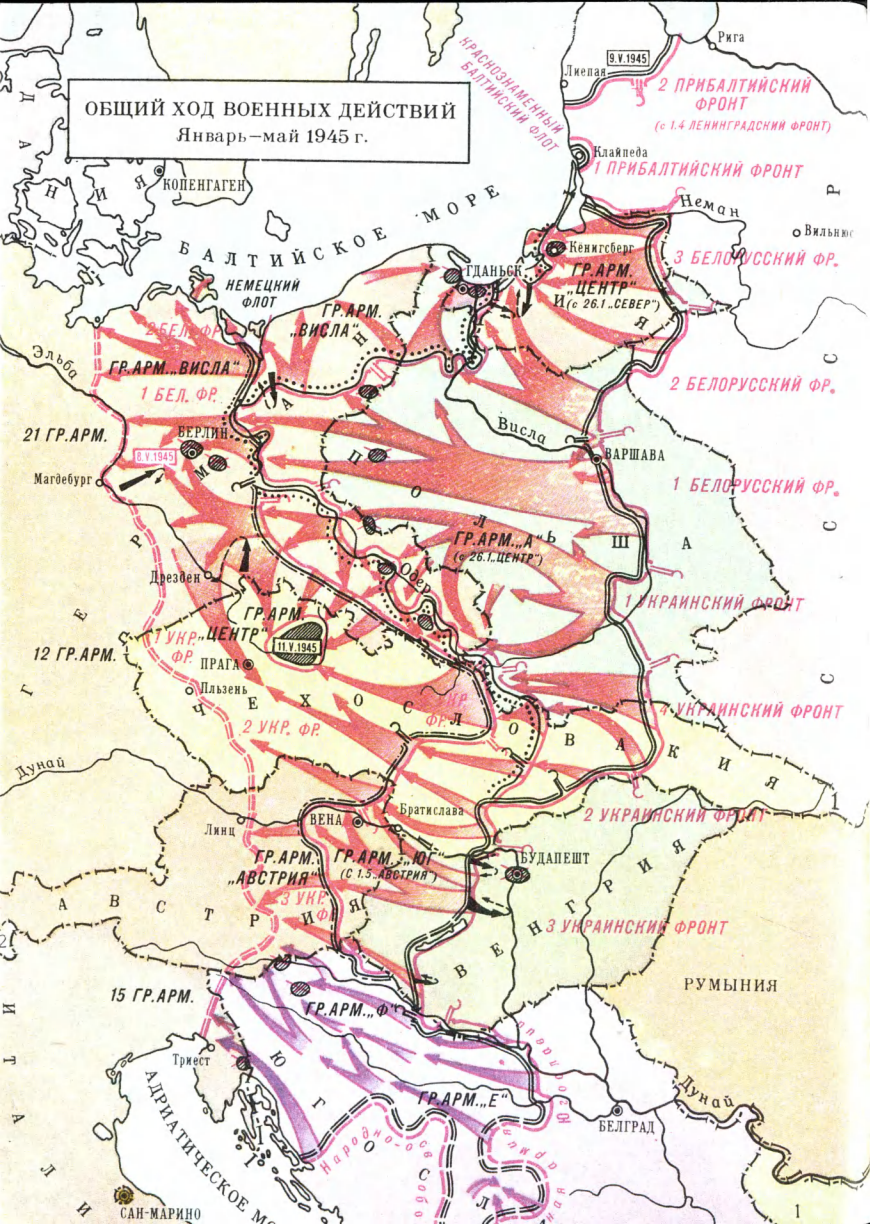
го в 31 дивизию, в то время как их было 68!

В конце декабря 1944 г. на одном из совещаний, услышав реальную оценку советских сил, Гитлер негодовал: «Да это же самый чудовищный блеф со времен Чингиз-хана. Кто раскопал эту ерунду?» Преуменьшенную более чем вдвое силу Красной Армии на решающем направлении Гитлер и его ближайшее окружение сопоставляли с мощью «Средне-европейского вала» — разветвленной системы укреплений, сооруженных, чтобы прикрыться с Востока.

Все левобережье Вислы было превращено в сплошной оборонительный район глубиной до 70 км. Минные поля, противотанковые рвы, проволочные заграждения... Бетонные огневые точки и стальные колпаки... Густая сеть траншей и надежные блиндажи для войск. А за Вислой на Запад все новые и новые оборонительные рубежи на глубину 300—500 км. В них входили как модернизированные старые крепости, так и укрепленные районы, все города были приспособлены к длительной обороне. Всего путь к Германии преграждали семь оборонительных рубежей. «Три из этих полос обороны занимали войска неприятеля, — заметил маршал Конеv. — За спиной врага был Берлин: выбора уже не оставалось. Не устоять — значит подписать себе смертный приговор. Мы понимали это». Понимали, что враг будет драться люто.

В ночь на 12 января за плотно зашторенными окнами виллы в окрестностях Познани собрались нацистские бонзы. Губернатор и рейхскомиссар громадного округа Варта Грейзер принимал министра из Берлина. Стол был уставлен самыми изысканными блюдами и напитками. Грейзер демонстрировал гостю, что он верен указанию фюрера: «Национал-социалистский рейх даже во время войны должен демонстрировать свое культурное превосходство на

ОБЩИЙ ХОД ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ
Январь—май 1945 г.

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОМ ФРОНТЕ

Линия фронта к 1 января

Линия фронта 8—12 февраля

Линия фронта к середине апреля

Направления ударов советских войск

Примечание.

Вместе с Советской Армией наступали польские, чехословацкие, болгарские, румынские войска и подразделения венгерских добровольцев

Контрудары и отход немецко-фашистских войск

Окруженные и разгромленные группировки немецко-фашистских войск

Рубеж выхода советских войск и войск союзников к концу войны

8.V.1945

Подписание Акта о безоговорочной капитуляции Германии

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ЮГОСЛАВИИ

Линия фронта к 1 января

Направления ударов Народно-освободительной армии Югославии

11.V.1945

Даты капитуляции группировок немецко-фашистских войск

Цифрами на карте обозначены:

1—Болгария, 2—Швейцария

Востоке». Это «превосходство» выразилось в беспощадном грабеже польских земель, из которых в основном и был скроен округ Варта — территория, лежащая как раз на оси Варшава — Берлин.

Чиновники нацистской партии выслушали речь Грейзера, который заверил берлинского гостя: «Мы никогда не сомневались, что волна большевизма разобьется о границу округа Варта, здесь ему будет нанесен последний удар. Поэтому ни один немец не покинул округа. Каждый из нас твердо стоит на посту, веря в фюрера и победу, и с нетерпением ожидает решающей битвы. Если потребуется, мы готовы преградить путь большевизму собственными телами, соорудить стену из человеческой плоти, дабы спасти Германию и всю Европу от варваров с Востока». Стоит ли говорить, что, когда через несколько дней сюда пришла Красная Армия, нацистов и след простыл, они «доверили» отстаивать фашизм простым немцам. Господа удирали на Запад, а этим приходилось умирать во имя нацистских лозунгов. Впрочем, так было повсеместно.

Ставка спланировала переход в наступление в течение трех дней: 12 января начал 1-й Украинский фронт, 13 января — 2-й Белорусский, и 14 января захлопотали орудия на 1-м Белорусском фронте, нацеленном в конечном счете на Берлин. Разновременный переход в наступление не дал возможности противнику маневрировать резервами. На участках прорыва 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов на каждом километре стояли по 230—250 орудий и минометов, наступало по 80—115 танков и САУ. В первый же день оборона противника была прорвана, в ходе последовавшего стремительного наступления удалось упредить гитлеровцев, не дав им возможности занять оборонительные рубежи между Вислой и Одером. Тем самым избежать крупных потерь.

Четыре танковые армии (по две на каждый фронт)

и еще пять отдельных танковых корпусов шли впереди общевойсковых обычно на 30—40 км, а иногда до 80 км. Это свыше 6000 танков и САУ! Глубокой зимой они иной раз покрывали с боями до 100 км в сутки. Где разбитым немецким дивизиям было угнаться при отступлении за наступлением советских войск! Гитлеровские вояки образовывали «блуждающие котлы»: разгромленные части прибивались друг к другу и упрямо пробивались на Запад. Теперь на заключительном этапе войны наше командование не задавалось вопросом, как создать двойной — внешний и внутренний — фронт окружения вокруг очередной вражеской группировки. Этим занимались вторые эшелоны наших войск.

Острием победного клина Красной Армии на Запад неизменно был 1-й Белорусский фронт. После освобождения Варшавы 17 января Ставка поставила задачу: не позднее 2—4 февраля овладеть рубежом Быдгощ — Познань. Он был взят уже 23 января.

25 января армии 1-го Белорусского фронта окружили укрепленную Познань, где скопилась масса вражеских войск. Сталин по телефону в этот день осведомился у Жукова о его дальнейших намерениях. Маршал доложил, что противник деморализован и наступление ведется прямо на Одер, чтобы захватить плацдарм. Сталин обратил внимание на то, что с выходом на Одер у фронта образуется разрыв в 150 км со 2-м Белорусским фронтом, ведущим операции в Восточной Пруссии, а южнее 1-й Украинский фронт задерживается, так как занят ликвидацией группировки противника. Жуков воспротивился предложению приостановить наступление и настоял на продолжении марша на Одер.

Это дало блестящие результаты, враг практически не успел занять войсками Мезерицкий укрепленный район по старой польско-германской границе. «Никогда не забыть лаконичной радиограммы неиз-

вестного танкиста: «Вижу Германию. Бью по Германии!» Сквозь лязг гусениц и шум мотора, сквозь грохот выстрелов прозвучал этот взволнованный русский голос: «Бью по Германии!» — писал в те дни советский журналист К. Непомнящий в «Комсомольской правде».

Наступавшие южнее войска 1-го Украинского фронта достигли района в верхнем течении Одера и развернули бои за Домбровско-Силезский промышленный район. Командующий фронтом маршал Конев помнил: в период подготовки операции Сталин обвел на карте этот район и коротко сказал: «Золото!» Нужно было вести операции так, чтобы нанести минимальный ущерб многочисленным предприятиям, заводам и шахтам, расположенным здесь. После освобождения Красной Армией Домбровско-Силезский район отойдет Польше...

26 января — 3 февраля войска 1-го Белорусского фронта прорвали вражеские укрепленные районы, форсировали Одер у Кюстрина и создали плацдарм на западном берегу. 1-й Украинский фронт очистил от гитлеровских оккупантов Домбровско-Силезский промышленный район, занимавший в длину 110 км при ширине 70 км. Площадь почти сплошной застройки, причем зачастую это прочные здания промышленных предприятий (5—6 тыс. км²). При освобождении его советские войска проявили величайшее искусство. Хотя танковые соединения уже замыкали кольцо окружения вокруг этого района, командование фронта в последний момент повернуло их на другое направление, оставив «ворота» для гитлеровских частей. Сильнейший натиск с фронта заставил немецкие войска броситься через эти «ворота», оставив, не причинив разрушений, Домбровско-Силезский промышленный район.

С выходом на Одер закончилась эта исполинская операция двух фронтов. 23 дня понадобилось Красной

Армии, чтобы, покрыв почти 500 км, встать на плацдарме примерно в 60 км от столицы фашистской Германии — Берлина. В ходе наступления врагу были нанесены тяжелые потери: захвачено свыше 147 тыс. вражеских орудий и минометов, около 1,4 тыс. танков и штурмовых орудий. Как же так? Захвачено больше вражеской боевой техники, чем было у гитлеровцев перед началом наступления!

Было именно так. Пытаясь отразить натиск Красной Армии, фашистское командование пусть с запозданием, но усмотрело смертельную угрозу для рейха. В полосу наступления 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов было переброшено еще 29 дивизий и 4 бригады. Не помогло! Красная Армия уничтожила во время наступления в общей сложности 35 вражеских дивизий, а 25 потеряли 50—70% своего состава. Высшее военное командование Германии окончательно убедилось, что война проиграна.

Начальник генерального штаба Гудериан отправился 25 января к министру иностранных дел Риббентропу, чтобы вместе с ним пойти к Гитлеру и просить его добиваться перемирия с США и Англией. Онемевший от неожиданности Риббентроп осведомился: «Разве положение настолько серьезно?» На что генерал ответил твердым заверением: «Русские через три-четыре недели будут стоять под Берлином». Фашистский министр обвел угасающим взглядом свой роскошный кабинет и только попросил оставить дело «между нами». Генерал пообещал, а министр по его уходе настроил донос Гитлеру. Когда Гудериан вечером явился с докладом к фюреру, последовал разнос и крики, что происшедшее не меньше, чем «государственное преступление».

Висло-Одерская операция потрясла до основания фашистский режим, а на освобожденных землях открывались такие злодеяния, что совесть челове-

чества властно требовала — без малейшего промедления добить фашистскую гадину.

Обнажение основ «нового порядка». Та часть территории Польши, которая не была насильственно включена в Германию, именовалась гитлеровцами генерал-губернаторством. Здесь был установлен жесточайший оккупационный режим. Бойцы Красной Армии, насмотревшиеся на зверства немецко-фашистских захватчиков на родной земле, увидели при освобождении Польши примерно такую же картину.

Поляки не покорились. Сопrotивлялись. После освобождения столицы Польши Варшавы армейская газета «Боевой призыв» рассказала о буднях и подвигах Сопrotивления: «Немцам мстили. И днем и ночью то в одном, то в другом месте города звучали револьверные выстрелы, и на тротуар падал ненавистный немец. Один выстрел раздался на Вольской улице, возле дома 149. Немцы оцепили дом и всех жильцов выстроили в скверике.

Немецкий офицер обошел толпу со всех сторон, ехидно улыбаясь. Потом он, улыбаясь, скомандовал: «Файер!» Немцы с каменными лицами навели автоматы на толпу и дали несколько очередей. Как подрезанные колосья, упали люди на землю.

В наступившем безмолвии неожиданно раздался детский голосок:

— Мамочка, мамочка, пойдем отсюда...

Четырехлетняя девочка, чудом оставшаяся в живых, плача, тормошила свою мать.

Немец подошел к ребенку и выстрелил в его заплаканные глаза».

Но варшавяне не покорялись. Они отвечали все новыми ударами на террор оккупантов. Во время варшавского восстания в августе—сентябре 1944 г. погибло около 200 тыс. жителей, немало из них умерли в бою с оружием в руках.

В отместку оккупанты превратили Варшаву в руины. Гиммлер, выступая в сентябре 1944 г. перед своими подручными, говорил: «Варшава, этот очаг сопротивления, где находится цвет интеллигенции польского народа, будет стерта с лица земли... Я отдал приказ о полном уничтожении Варшавы. Приказ требует: каждый дом и каждый квартал должны сжигаться и взрываться».

Когда 17 января советские и польские солдаты вступили в Варшаву, перед ними лежали кварталы разрушенных зданий. Вместо 1,3 млн. жителей до войны в день освобождения в городе было всего 160 тыс. человек, которые ютились в подвалах. От них освободители слышали леденящие кровь рассказы о том, как методически разрушался город, уничтожались или угонялись в рабство жители.

Командующий 1-й армией Войска Польского генерал С. Г. Поплавский допросил нескольких немецких солдат. Обычные ответы: убийства и разрушения — дело рук эсэсовцев, а мы — солдаты вермахта, которые «только» держали оцепление. Допрос очередного пленного, ефрейтора, с гневом записал Поплавский, «я уже не хотел слушать. Мне достаточно было прочесть найденное у него письмо жены: «...Твоя пятая посылка дошла. Мы очень благодарны. Кашне и кофточка еще очень хорошие. И вообще все вещи приличные». Противно было читать дальше. Взглянув с презрением на плюгавенького, заросшего рыжей щетиной гитлеровца, я вышел».

На польских землях фашисты разместили лагеря уничтожения, полагая, что так удастся навсегда сохранить тайну своих преступлений. Еще летом 1944 г. после освобождения Красной Армией Люблина стало известно о находившемся в его окрестностях чудовищном лагере уничтожения Майданеке, где было истреблено около 1,5 млн. человек. Но Запад отреагировал более чем скептически на сообщение

о Майданеке. Лондонская радиостанция Би-Би-Си отказалась передать материал о Майданеке английского корреспондента в Москве, а американская «Нью-Йорк Геральд Трибюн» сочла возможным написать: «Быть может, нам следовало бы подождать дальнейших подтверждений тех страшных известий, которые дошли до нас из Люблина. Даже в свете всего, что мы уже знали о маниакальной жестокости нацистов, этот рассказ кажется невероятным».

27 января советские солдаты прошли под воротами с надписью на немецком языке «Работа дает свободу» и оказались в самом страшном лагере смерти — Освенциме. Этот лагерь, занявший в конечном счете территорию до 500 га, был расположен в болотистой, унылой местности, примерно в 50 км от Кракова. В Освенциме за высокими заграждениями из колючей проволоки, через которую пропускался ток высокого напряжения, одновременно томилось 180—250 тыс. узников. В день в лагерь прибывало 3—5 эшелонов с заключенными. Измученных людей встречали издевательской речью: «Вы приехали не в санаторий, а немецкий концлагерь, из которого существует только один выход — через дымоход. Если это кому-нибудь не нравится, он может сейчас же пойти на проволоку» — и приглашающий жест в сторону заграждений, над которыми торчали вышки с часовыми. Дымящие трубы крематориев дополняли картину...

Слабых, истощенных заключенных посылали прямо «в газ», т. е. немедленно умерщвляли, а трупы сжигали. Более сильных направляли на каторжные работы, что быстро приводило к смерти. Гитлеровские врачи-убийцы проводили «эксперименты» над заключенными, заканчивавшиеся смертью в страшных мучениях. В лагере царил террор, охранники беспощадно убивали заключенных. По приблизительным подсчетам, в Освенциме было уничтожено

не менее 4 млн. граждан СССР, Польши и многих других стран.

Потом, на Нюрнбергском процессе над главными немецкими военными преступниками в 1946 г., пойманный комендант лагеря Р. Гесс описал «усовершенствования», введенные им в Освенциме. Были построены газовые камеры на 2 тыс. человек. В них загоняли голых мужчин, женщин, детей и умерщвляли их «циклоном Б» — кристаллизированной синильной кислотой, которую бросали в камеры через отверстия в потолке. В Освенциме были уничтожены люди десятков национальностей.

Зверствовали не только эсэсовцы, несшие охрану лагеря. Как показал в Нюрнберге Гесс, «среди казненных и сожженных лиц имелись русские военнопленные, которые были изъяты из лагерей для военнопленных. Эти военнопленные были доставлены в Освенцим в армейских эшелонах офицерами и солдатами регулярной германской армии».

В освобожденном Освенциме осталось несколько тысяч больных заключенных, которых гитлеровцы не успели уничтожить при своем поспешном бегстве. Из 35 складов, в которых собирали одежду и вещи убитых людей, охрана успела сжечь 29. Но содержимое оставшихся 6 изобличало убийц — 1,2 млн. комплектов верхней и нижней одежды, горы обуви. На кожевенном заводе жуткая находка — 7 т волос с голов 140 тыс. женщин. Злодеяния в Освенциме и других лагерях массового уничтожения были беспримерными. Маршал Советского Союза И. С. Конев получил первые сведения об этом лагере сразу после его освобождения, а на второй день оказался поблизости. «Но увидеть лагерь смерти своими глазами я не то, чтобы не захотел, а просто сознательно не разрешил себе, — писал И. С. Конев. — Боевые действия были в полном разгаре, и руководство ими требовало такого напряжения, что я считал не вправе

отдавать собственным переживаниям душевные силы и время...»

Наши солдаты в ходе стремительного наступления не дали времени и возможности нацистским убийцам скрыть следы своих преступлений, наглядно показав миру, что означает фашизм. В одной из статей газеты «Правда» об Освенциме говорилось: «Здесь в массовых масштабах претворялись в чудовищную действительность бредовые планы людоеда Гитлера о физическом уничтожении европейских народов. Это была гигантская «опытная лаборатория» фашизма, прообраз судьбы, которую он уготовил всем народам Европы, всему человечеству, живое воплощение того «нового порядка», который должен был, по замыслам гитлеровских преступников, превратить в кладбища некогда цветущие страны с миллионным населением».

«Аргонавты» в Крыму. Ялтинская конференция Сталина, Рузвельта, Черчилля. В начале января 1945 г. пришли к завершению переговоры Москвы с Вашингтоном и Лондоном о проведении очередной конференции глав правительств великих держав — СССР, США и Англии. Местом ее проведения была выбрана Ялта в Крыму. Предложения союзников провести конференцию где-нибудь за пределами СССР, например в районе Средиземного моря, не были приняты И. В. Сталиным. Ф. Рузвельту и У. Черчиллю пришлось отправиться за многие тысячи километров на советскую территорию — в Крым.

Черчилль предложил Рузвельту назвать предстоявшую конференцию «Операцией Аргонавт». Английский премьер ужасно гордился своей начитанностью, полагая, что с американским президентом они отправляются на Черное море повторить подвиг античного героя Язона и его товарищей — достать золотое руно. «Вы и я — прямые потомки аргонав-

тов», — согласился Рузвельт с Черчиллем в шифрованной телеграмме. Оба прекрасно понимали, что едут в Ялту просителями в надежде, что Советский Союз вызволит США и Англию из крайне серьезного, если не критического, положения, в которое они попали. По той простой причине, что, если враг по мере приближения конца дрался со всевозраставшим ожесточением, войска западных союзников вели боевые операции в привычном для них темпе. Неторопливо, избегая чрезмерных усилий и жертв. Основополагающая посылка этой стратегии — главное бремя коалиционной войны должен вынести Советский Союз.

Гитлеровская эскапада в Арденнах поставила под сомнение этот образ действия на европейском театре военных действий. Недобрые вести пришли и с Тихого океана, и из Азии. США вели там напряженные боевые действия, захватывая все новые острова и постепенно приближаясь на расстояние удара к Японии. Американское господство на море и в воздухе становилось все ощутимее. В Токио не могли не сообразить, к чему шло дело — глухой блокаде японских островов, зависевших от подвоза по морю. Японские стратеги решили отвратить неизбежное, устроив сообщение по суше от Сингапура до Маньчжурии. С весны 1944 г. они провели последовательные операции, отогнав гоминдановские армии от побережья, овладев территорией в 2 млн. км² с населением в 60 млн. человек.

Американские базы, с которых надеялись вести воздушное наступление на Японию, были захвачены. А на сооружение их были затрачены громадные усилия. Отныне в Токио не слишком тревожились по поводу хлопот США блокировать Японские острова с моря. Крупнейшая военно-промышленная база в Маньчжурии находилась вне пределов досягаемости авиации США. Опираясь на нее, японские генералы надеялись дать решительное сражение, если амери-

канские войска попытаются вторгнуться на острова метрополии. Они были преисполнены уверенности в будущем: войну на Тихом океане проигрывали флот и авиация, а пятимиллионная японская армия, в свое время созданная для нападения на СССР, простояла в бездействии всю войну. Теперь генералы были готовы взять реванш за поражения адмиралов, дав отпор американскому вторжению на острова.

Как быть? Ко времени встречи в Ялте в американских штабах подсчитали неизбежные потери только при первоначальных операциях после высадки — миллион американцев. Мало утешала перспектива: приглашение на подмогу союзника — Англии повлечет потери еще 500 тыс. англичан. И так, 1,5 млн. потерь. Значение этих предположительных цифр можно прочувствовать, если вспомнить — за всю вторую мировую войну США потеряли 400 тыс. убитыми.

В США определили общую продолжительность завершающего этапа войны с Японией в 18 месяцев (после поражения Германии). Много лет спустя А. Гарриман (в конце войны посол США в СССР) так объяснял суть проблемы, стоявшей перед западными союзниками: «Существовала громадная опасность, что Советский Союз будет выжидать, пока мы не поставим Японию на колени ценой громадных американских потерь, а затем Красная Армия окажется в состоянии вступить в Маньчжурию и обширные районы Китая». Следовательно, нужно добиться согласия СССР на вступление в войну с Японией, что, помимо прочего, по словам Гарримана, «значительно снизит тяжкие потери США, которые мы понесли бы без участия СССР».

Высшие государственные ведомства США подготовили к конференции в Ялте «Памятку» для своей делегации. Основная мысль документа — нужна величайшая осмотрительность в отношениях с Совет-

ским Союзом, ибо, как указывалось в рекомендациях комитета начальников штабов еще 16 мая 1944 г. и подтвержденных накануне Ялты, война выявила «феноменальный рост» военной мощи СССР. После завершения военных действий, предупреждали высшие американские военные, останутся только три великие державы — СССР, США и Англия. Если Запад доведет дело до войны с СССР, то «разница между военными силами, которые могут выставить на (европейском) континенте Англия и СССР, слишком велика, ее не может устранить даже американское вмешательство на стороне Англии. При нынешнем соотношении сил мы не сможем нанести поражения России». Помимо заинтересованности в немедленном военном содействии СССР как на Западе, так и на Востоке ясное осознание того, что советские победы создали равновесие в силах между СССР и западными союзниками, определяло дух сотрудничества, который проявили за столом переговоров наши партнеры.

Ф. Рузвельт и У. Черчилль по пути в СССР провели краткую встречу на Мальте, в какой-то мере согласовали свою позицию на предстоявшей конференции. С Мальты группы американских и английских самолетов взяли курс на аэродром Саки в Крыму. Оттуда Рузвельт и Черчилль на автомобилях проехали в Ялту. Рузвельт, воочию увидевший по дороге следы недавних жестоких сражений и страшные разрушения, следы оккупантов, заметно помрачнел. При первой же встрече с советскими представителями в Ялте Рузвельт признался, что увиденное сделало его еще более «кровожадным» в отношении нацистов. И тут же сообщил, что по дороге в СССР он заключил пари с членами американской делегации, что Красная Армия раньше возьмет Берлин, чем войска США на Филиппинах Манилу.

Что до Черчилля, то он сохранял внешне самый добродушный вид и подчеркнуто вел себя дружелюбно. Однако, писал его личный врач Ч. Морган, премьер «больше не говорит о Гитлере, он все долбит об опасности коммунизма. Он рисует себе картину, как Красная Армия, подобно раковой опухоли, поглощает одну страну за другой. Теперь это превратилось у него в навязчивую идею, и он не в состоянии думать ни о чем другом». Но, как и Рузвельт, он понимал, что СССР стремится к скорейшему завершению войны, продолжавшейся для Англии уже шестой год.

Конференция, начавшаяся 4 февраля в Ливадийском дворце, обратилась сначала к делам военным. Генерал А. И. Антонов по предложению И. В. Сталина доложил о советско-германском фронте. Он подвел некоторые итоги продолжавшегося наступления Красной Армии и сообщил, что немцы перебрасывают против нее все новые силы. Он предупредил, что «на нашем фронте может дополнительно появиться 35—40 дивизий». Антонов указал, что желательно начать наступление на западном фронте в первой половине февраля. От имени союзников генерал Дж. Маршалл заверил, что наступательные операции начнутся в феврале.

Сталин поинтересовался, какие еще пожелания у участников конференции к Советскому Союзу. В протоколе записано: «Черчилль заявил, что он хотел бы воспользоваться этим случаем, чтобы выразить глубокое восхищение той мощью, которая была продемонстрирована Красной Армией в ее наступлении. Сталин говорит, что это не пожелание». После новых цветистых фраз английские делегаты просили, чтобы советские войска «скорее взяли Данциг», ибо там «сконцентрировано много подводных лодок». Это понятно. В Лондоне были очень обеспокоены новой вспышкой подводной войны и боялись послед-

ствий ввода в действие подводных лодок новейших образцов.

В Ялте были утверждены границы будущих зон оккупации в поверженной Германии. Подготовка проекта решения об этом потребовала длительных переговоров представителей трех держав. На конференции же одобрение его прошло без сучка и задоринки — в высших ведомствах США и Англии были убеждены: конец войны Красная Армия встретит, по меньшей мере, на Рейне. Заблаговременное установление границ зон оккупации должно было обеспечить политическими средствами те позиции, которые США и Англия могли занять, опираясь на вооруженную мощь.

Военные с обеих сторон обсудили надлежащие вопросы и в коммюнике об итогах переговоров записали: «Очень тесное военное сотрудничество между тремя нашими штабами, достигнутое на настоящей конференции, поведет к ускорению конца войны».

11 февраля было подписано секретное соглашение о Дальнем Востоке. СССР обязывался вступить в войну против Японии через два-три месяца после победы в Европе на условиях сохранения статуса-кво Монгольской Народной Республики, восстановления прав, принадлежавших России и нарушенных агрессией Японии в 1904 г., — возвращения южной части Сахалина и передачи Курильских островов. Соглашение развеяло опасения Вашингтона и Лондона относительно войны против Японии. Эти условия приветствовали, писал Гарриман, еще и потому, что они «ограничивали советское продвижение на Востоке». Как в Европе, так и на Дальнем Востоке США и Англия пытались политическими средствами выполнить то, что было недоступно их вооруженным силам.

Четкое понимание Рузвельтом и Черчиллем длинного соотношения сил внутри антигитлеровской

коалиции объясняет их согласие с демократическими принципами послевоенного устройства мира. В «Декларации об освобожденной Европе» три державы договорились согласовывать свою политику, чтобы дать возможность «освобожденным народам уничтожить последние следы нацизма и фашизма и создать демократические учреждения по их собственному выбору». В Ялте нашел, наконец, разрешение вопрос о восточной границе Польши и увеличении ее территории на севере и западе.

В коммюнике конференции говорилось, что в ближайшее время будет учреждена международная организация для поддержания мира и безопасности, а в заключение документа подчеркивалось: «Только при продолжающемся и растущем сотрудничестве и взаимопонимании между нашими тремя странами и между всеми миролюбивыми народами может быть реализовано высшее стремление человечества — прочный и длительный мир». Ялтинская конференция была кульминационной точкой сотрудничества СССР, США и Англии в годы второй мировой войны.

При подписании коммюнике Рузвельт предложил поставить первой подпись Сталина. На что он возразил: «В Соединенных Штатах имеется зубастая пресса, которая может изобразить дело так, что Сталин повел за собой президента и премьер-министра. Поэтому он предлагает подписать коммюнике в алфавитном порядке, т. е. первая подпись будет Рузвельта, вторая — Сталина, третья — Черчилля». На что Черчилль заметил, что если следовать английскому алфавиту, то он возглавит подписавшихся. Сталин согласился. Так и значилось в коммюнике конференции в Крыму — Черчилль, Рузвельт, Сталин.

Решения были приняты, теперь дело шло об их выполнении. В первую очередь в войне против гитлеровской Германии.

Снова тяжелые сражения. В начале февраля 1945 г. Красной Армии оставалось пройти до Берлина каких-нибудь 60 км. Командование 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов были преисполнены уверенности, что столица Германии падет еще до конца февраля. Генерал армии С. М. Штеменко, в 1945 г. заместитель начальника Генштаба, отметил: «Такой же точки зрения держался и Верховный Главнокомандующий. 4 февраля 1945 г. на знаменитой Ялтинской конференции он, как вспоминает У. Черчилль, дал весьма оптимистическую оценку обстановки, отметив, что фронт противника прорван и немцы лишь заделывают дыры.

Мнения, следовательно, у всех сошлись на одном — нужно продолжать безостановочное наступление и овладеть Берлином. Фронты получили на сей счет необходимые указания из Москвы и, в свою очередь, поставили задачи армиям.

Генштаб беспокоила лишь одна деталь: каким образом наступление на Берлин двух фронтов согласовать с указанием Сталина о том, чтобы столицу фашистской Германии брали войска под командованием Г. К. Жукова? После жарких дебатов решили, что в ходе операции обстановка сама должна была внести необходимую поправку. Так оно и случилось. Но не в феврале, не в марте и даже не в апреле. Дальнейшее развертывание событий не позволило нам провести наступление на Берлин в задуманные сроки».

Случилось это потому, что западные союзники, практически приостановив серьезные операции, дали возможность гитлеровскому руководству оголить западный фронт и значительно подкрепить оборону против Красной Армии. Гитлер решился на это, ибо сделал ставку на антисоветизм очень влия-

тельных сил на Западе. Уже 27 января на узком совещании Гитлер задал вопрос рейхсмаршалу Герингу и генерал-полковнику Йодлю: «Вы думаете, англичане довольны этим русским наступлением?» Йодль без запинки ответил: «Разумеется, нет. У них совершенно иные планы». Геринг подхватил тему: «Они никак не рассчитывали, что мы будем драться, как безумцы, на Западе, в то время как русские все дальше будут проникать в Германию». Поговорили еще и согласились с Герингом, «если это будет продолжаться, мы получим через несколько дней телеграмму» от англичан с предложением компромисса. «Все так, — подвел итог Гитлер, — английские газеты уже горестно вопрошают — в чем цель этой войны?»

Для ускорения неизбежного, как представлялось в ставке фюрера, развития событий в самом начале января Гитлер поручил Риббентропу передать США и Англии мирные предложения Германии, отражающие «мнение авторитетных кругов Берлина, включая министра иностранных дел». О том, что это инициатива самого Гитлера, разумеется, ни слова! Риббентроп подписал эти условия и отправил одного из самых опытных германских дипломатов — В. Шмидена в Швейцарию вступить в контакт с руководителем миссии американского Управления стратегических служб (УСС) А. Даллесом. Гитлеровское руководство знало, что через УСС Вашингтон проводит самые ответственные операции тайной войны (глава УСС генерал У. Донован нес ответственность только перед президентом Ф. Рузвельтом). Гитлер распорядился подкинуть западным союзникам дезинформацию: в СССР-де формируется двухсоттысячная армия из «германских коммунистов» во главе с фельдмаршалом Паулюсом, взятым в плен в Сталинграде. СССР учредит после взятия Кенигсберга «правительство» в этом городе. «Ну, это встряхнет

их, они почувствуют, как будто их пронзили шилом сапожника», — потирал руки фюрер.

Он пытался построить здание политических интриг на зыбком песке? Отнюдь нет. На гитлеровское руководство произвело большое впечатление, что англичане не чинили препятствий отходу немецких войск из Греции в рейх. Германские гарнизоны, оставшиеся на некоторых островах Эгейского моря, английское командование не тревожило. Больше того, германский командующий в восточной части Эгейского моря получил тайное предложение доставлять припасы для его солдат на английских судах. С Запада Гитлеру доносили: с 5 февраля на участке американского фронта в Сааре к германским солдатам стали обращаться через громкоговорители: общий враг — русские, и немцам нужно вместе с американцами и англичанами выступить против них.

В эти дни разведка военно-воздушных сил Германии перехватила и расшифровала директиву объединенного комитета начальников штабов авиации западных союзников от 24 января 1945 г. «Дальнейшее быстрое продвижение на запад Красной Армии, — говорилось в документе, — создаст обстановку, крайне нежелательную для правительств США и Англии». От американо-английской авиации требовали подвергнуть массированным бомбардировкам центры коммуникаций на востоке и в центре Германии с тем, чтобы максимально затруднить продвижение советских войск. В качестве генеральной цели в директиве указывалось: «Наши военные меры должны дать возможность немцам усилить их восточный фронт, что они в основном смогут осуществить за счет ослабления их западного фронта». Эта директива была очередным доказательством того, что западные союзники стремились нанести Красной Армии максимальный ущерб руками вермахта.

Река Одер оставалась последней естественной преградой перед Берлином. Гитлер приказал сделать все, чтобы укрепить этот рубеж. С 21 января командующим новой группой армий «Висла», созданной для защиты Берлина, был назначен глава СС и гестапо Гиммлер. На палача возлагалась задача «организовать национальную оборону на германской земле за всем восточным фронтом». Многие крупные немецкие города (среди них Дрезден) оказались беззащитными в случае нападения с воздуха. Свыше 300 батарей тяжелой зенитной артиллерии срочно свезли к Одера — отражать советские танки. Почти вся истребительная авиация перебазировалась на аэродромы на востоке страны.

В январе на советско-германский фронт было отправлено 1328, а на западный — 290 танков и штурмовых орудий, в феврале — соответственно 1675 и 67! По всем железным и шоссейным дорогам с запада на восток катились немецкие войска — танковые и пехотные дивизии, которые заменяли наголову разбитые войска в ходе великого январского наступления Красной Армии.

Отброшенные немецкие войска и подходившие резервы обтекали гигантский клин Красной Армии, устремленный прямо на Берлин. Стремительно нараставшая угроза с флангов — северного и южного — требовала внесения поправок в заключительные операции войны. Об этих днях Маршал Г. К. Жуков писал: «Конечно, можно было бы пренебречь этой опасностью, пустить обе танковые армии и 3—4 общевойсковые армии напрямик на Берлин и подойти к нему. Но противник ударом с севера легко прорвал бы наше прикрытие, вышел бы к переправам на Одре и поставил бы войска фронта в районе Берлина в крайне тяжелое положение. Опыт войны показывает, что рисковать следует, но нельзя зарываться».

Наше командование перестроило боевые порядки войск, нацелившихся на Берлин. 5-й ударной армии, захватившей плацдарм на западном берегу Одера, Г. К. Жуков отдал приказ выполнить «особо ответственную задачу» — не только удержать плацдарм, но и «расширить его хотя бы до 20 км по фронту и 10—12 км в глубину». Советским солдатам пришлось отбивать самые свирепые атаки гитлеровцев. Не считаясь с потерями, германские генералы гнали своих солдат в бой. Зачастую их боевой дух подогревался эсэсовцами, беспощадно расправлявшимися с теми, кто проявлял недостаточный пыл.

Положение осложнилось тем, что противник смог временно обеспечить местное господство в воздухе. Вражеские самолеты базировались на аэродромах с бетонным покрытием в районе Берлина. Для них линия фронта была рядом. Наша авиация имела несовершенные аэродромы, по крайней мере, в 120—140 км от фронта (иной раз наши самолеты взлетали прямо с участков автострад). Если в отдельные дни со стороны врага отмечалось более 3 тыс. самолетовылетов, то советские войска имели куда меньшую поддержку с воздуха.

Уже к 3 февраля в полосе 1-го Белорусского фронта на берлинском направлении остались 4 общевойсковые армии, 2 танковых и кавалерийский корпус.

Все они были ослаблены в ходе предшествовавшего наступления, но везде, где бы враг ни пытался контратаковать, советские воины стояли насмерть. Основную ударную силу фронта — 2 гвардейские танковые армии и 4 общевойсковые маршал Жуков повернул фронтом на север. Нужно было принять и отразить сильнейший удар из Померании, который подготовили гитлеровцы. Они вознамерились выйти в тыл советским войскам на Одере севернее Кюстрина.

Одновременно поступили сведения о возникновении угрозы со стороны Силезии на стыке 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов. Там гитлеровцы срочно сколачивали ударную группировку, намереваясь двинуться на север. Но эту опасность пока можно было не принимать во внимание. Главное — Померания!

Гиммлер до отказа использовал полномочия рейхсфюрера СС и сумел собрать под своим бездарным командованием крупные силы. В ставке Гитлера ожидали от него только победных реляций, операция-де в руках СС, а не выдохшихся генералов вермахта. Гитлера в эти дни заинтриговали причины террористического налета авиации США и Англии на Дрезден. Известно, что город, забитый до отказа беженцами, был сильно разрушен серией ударов с воздуха. 13 февраля Гитлеру доложили: убито не менее четверти миллиона человек. Впоследствии выяснилось, что цифра была преувеличена: под бомбами и в огне пожаров погибли десятки тысяч человек мирного населения. «Смотрите, — поучал он высший генералитет, — они сровняли с лицом земли дрезденскую оперу и перебили беженцев, но оставили в покое гавань Штеттина, забитую до отказа транспортом с войсками!» Какие выводы делало из этого гитлеровское руководство, едва ли стоит разъяснять. Разгром с воздуха Дрездена полностью отвечал уже известной Берлину политике разрушения авиацией США и Англии центров коммуникаций, лежащих на пути Красной Армии. А Штеттин... Западные союзники не трогали живую силу гитлеровцев в предвидении их сильного контрнаступления против советских войск.

Разгром врага в Восточной Пруссии и Померании. Наступление на гнездо разбойничьего прусского милитаризма — Восточную Пруссию — шло с

13 января 1945 г. То были невероятные по тяжести бои.

Сильнейшие оборонительные рубежи подкреплялись фанатизмом гитлеровских войск. Они дрались в местах, которые немецкие генералы, включая Шлиффена и Мольтке-младшего, с конца XIX в. досконально изучили как плацдарм для нападения на нашу страну. Сколько учений провели германские войска в Восточной Пруссии в ходе боевой подготовки, сколько раз на маневрах они занимали бесчисленные огневые точки, траншеи! Нацистские пропагандисты взывали к истории — в августе 1914 г. западнее Мазурских озер потерпела поражение русская армия генерала А. В. Самсонова, который, чтобы не попасть в плен, застрелился. У местечка Танненберг был сооружен гигантский мемориал в честь германского оружия, а в 1934 г. здесь был захоронен в присутствии Гитлера и множества фашистских бонз «победитель» фельдмаршал Гинденбург. Теперь немецкое радио с надрывом сообщало, что останки фельдмаршала эвакуированы. Вступление советского солдата в Восточную Пруссию вдребезги разбило и без того потускневший миф о неких военных дарованиях тевтонов.

Воины 2-го Белорусского фронта Маршала К. К. Рокоссовского и действовавшего несколько восточнее в общем направлении на Кенигсберг 3-го Белорусского фронта генерала армии И. Д. Черняховского шаг за шагом оттесняли врага. Штурмовали мощные железобетонные сооружения, вели кровопролитные бои в населенных пунктах. Бетонные и деревянные надолбы, металлические «ежи», эскарпы, противотанковые рвы остались позади.

Маршал Советского Союза А. М. Василевский, вступивший в командование 3-м Белорусским фронтом после гибели 18 февраля генерала И. Д. Черняховского, счел необходимым в своих мемуарах вы-

делить: «Восточно-прусская операция по расходу боеприпасов вообще не имела себе равных среди всех операций в истории войн... Оба фронта израсходовали более 15 тыс. вагонов боеприпасов. Для перегрузки их из вагонов и подачи в войска потребовалось (в перерасчете на 2,5-тонные автомашины) около 100 тыс. автомобилей».

Армии 2-го Белорусского фронта ударом на север, в направлении на Эльбинг, отсекли Восточную Пруссию, а остальные силы бросили на запад, через Вислу к Померании.

Ставка поставила задачу войскам Маршала К. К. Рокоссовского выйти через Эльбинг к побережью Балтийского моря 2—4 февраля. Советские танки в студеную зиму прорывались через лабиринт укреплений в тех местах, где жарким августом 1914 г. сражались солдаты А. В. Самсонова. Они тогда так и не увидели моря, многие из них погибли и спали вечным сном там, где в феврале 1945 г. победоносно прошли войска К. К. Рокоссовского. И свершилось! Артиллерийский таран неслыханной силы пробил бреши во вражеских укреплениях, открыв дорогу танкам. 23 января советские танкисты вихрем промчались через Эльбинг и вышли к Балтийскому морю. Восточная Пруссия была отрезана.

С 10 февраля 2-й Белорусский фронт был освобожден от участия в ликвидации восточно-прусской группировки противника. Ему предстояло наступать прямо на Запад. Но силы фронта были ослаблены; по приказу Ставки пришлось передать 4 армии в состав 3-го Белорусского фронта. Ему оставалось, постепенно сжимая стальное кольцо, овладеть форпостом тевтонского «Дранг нах Остен», водрузив знамя Победы над Кенигсбергом. Гитлер объявил город «абсолютно неприступным бастионом немецкого духа». Руководители трех великих держав договорились о том, что Восточная Пруссия как форпост

германской экспансии на Восток должна навсегда исчезнуть, увеличив территорию Польши и дав незамерзающий порт СССР. Советские воины с честью выполнили свой долг перед Родиной. Навсегда на географической карте запечатлены имена некоторых из них. Они пали смертью храбрых, осуществляя великую историческую миссию. Город Инстербург стал носить имя дважды Героя Советского Союза генерала И. Д. Черняховского.

По имени командира 331-го стрелкового полка гвардии полковника И. В. Мамонова назван город Хайлигенбайль. Командир батальона 182-й стрелковой дивизии П. И. Романов, погибший в г. Побеттене, оставил свое имя этому городу. На окраине села, носившего в прошлом название Людвигсорт, покоится прах командира танковой роты И. М. Ладушкина. Его имя носит теперь этот населенный пункт. Шталлупенен переименован в честь С. К. Нестерова, заместителя командира Краснознаменного корпуса, жизнь которого оборвалась в Восточной Пруссии.

У г. Гумбиннена в августе 1914 г. русские войска нанесли жестокий удар немцам. В январе 1945 г. на подступах к городу в рукопашной схватке погиб командир батальона С. И. Гусев. Через три дня бойцы его батальона первыми пробились в Гумбиннен, теперь г. Гусев.

В апреле 1945 г. советские войска штурмом взяли Кенигсберг, а затем близлежащий сильно укрепленный порт Пиллау. Пиллау теперь Балтийск, а город Нойхаузен переименован в Гурьевск. Там был убит в бою командир 16-го стрелкового гвардейского корпуса генерал-майор С. С. Гурьев. А Кенигсберг переименовали в Калининград, по имени видного деятеля Коммунистической партии и Советского государства М. И. Калинина.

В эти месяцы ожесточенных сражений Краснознаменный Балтийский флот содействовал сухопут-

ным войскам, нарушая вражеские коммуникации. Это имело исключительное значение. Расчлененный и прижатый к берегу враг получал помощь только морем. Гитлеровцы собрали на Балтике многие сотни транспортных судов, обслуживавших их группировки в Курляндии и Восточной Пруссии. Много боевых кораблей врага сосредоточились в Данцигской бухте, имевшей громадное значение для вражеского флота — она была полигоном для тренировок экипажей и испытания новых подводных лодок, которые затем уходили в Атлантику. На верфях, особенно в Данциге, строились и ремонтировались подводные лодки.

Основная ударная сила нашего флота — морская авиация. С января 1945 г. до конца войны советские летчики совершили 12,5 тыс. самолето-вылетов по кораблям и транспортам противника. Наша минно-торпедная и штурмовая авиация потопила за это время 96 транспортов общим водоизмещением 278 тыс. брт. Германское командование для защиты своих коммуникаций перебросило на Балтику значительное количество боевых кораблей. Немало из них подорвалось на минах, поставленных нашим флотом, а морская авиация потопила много боевых кораблей, в том числе линкор, 2 крейсера, 3 эсминец, 16 тральщиков.

Во время массовой эвакуации германских войск советские самолеты нередко уничтожали целиком конвой врага. 12 марта 69 торпедоносцев при прикрытии 96 истребителей отправили на дно весь конвой — 5 транспортов. Успешные действия советской авиации заставляли крупные суда противника выходить в море по ночам. Но их подстерегали советские торпедные катера и подводные лодки. В это время отличился экипаж советской подводной лодки «С-13» под командованием капитана 3-го ранга А. И. Маринеско. Адмирал флота И. С. Исаков, отве-

чая на вопрос, что в конце войны сильнее всего подействовало на фашистский рейх, ускорив его разгром, написал: «...пришел к убеждению, что таким героическим подвигом, потрясшим фашистов, начиная с самого Гитлера, является беспримерный успех атак подводной лодки «С-13». Вот как это произошло.

21 января 1945 г. гросс-адмирал Дениц, напуганный стремительным наступлением Красной Армии, передал кодовый сигнал «Ганнибал». Германским подводникам, обучавшимся в районе Данцига, приказывалось немедленно перебазироваться в Киль и Гамбург. Они — свыше 3 тыс. человек, команды для 70 новых подводных лодок, — погрузились на свою плавбазу «Вильгельм Густлов» — громадный лайнер водоизмещением в 25 484 т. На борт корабля поднялось еще около 4 тыс. пассажиров — местных нацистских руководителей, их прихвостней, эсэсовцев, офицеров и солдат вермахта. Всего на корабле с экипажем было примерно 7 тыс. человек.

По стечению обстоятельств отъявленные нацисты собрались на корабле, символизировавшем уже своим названием — «Густлов» «идеалы» фашизма. В 1937 г. суперлайнер был спущен на воду в присутствии Гитлера и приписан к «немецкому трудовому фронту», вся команда состояла из членов нацистской партии. Когда с началом войны «Густлов» стал базой подводников, на нем были устроены уголки боевой славы, кабинеты по изучению истории национал-социалистской партии и биографий ее вождей. На борту этой плавбазы германские подводники проходили боевую подготовку. Поздним вечером 30 января «Густлов» вышел в море. Корабль был вооружен, на палубе виднелись зенитные орудия. Эскорт составляли 6 миноносцев.

А в эти часы подлодка «С-13» заканчивала 13-й день своего боевого похода, находясь на позиции в 12 милях от западного выхода из Данцигской бух-

ты. Сильный шторм, снежные заряды, видимость отвратительная. Но с мостика «С-13» увидели выход «Густлова». Началась погоня. Максимальный ход лодки 18 узлов, чтобы догнать «Густлов», удалось выжать из дизелей ход в 19,3 узла. Погоня полным ходом в притопленном положении (только рубка над водой) таила громадный риск для командира Маринеско и нескольких человек, находившихся с ним на мостике. В любой момент могло произойти непроизвольное погружение и их смыло бы в ночное штормовое море. Лодка, конечно, сохранила бы боеспособность, путь воде преградил бы задраенный нижний рубочный люк. Командование принял бы старпом...

К счастью, этого не случилось, хотя погоня заняла два часа. Маринеско проложил курс между лайнером и берегом, пренебрегая другой грозной опасностью. Здесь, на мелководье, на глубинах менее 40 м, чаще ставились мины. В час с небольшим ночи «С-13» дала залп, три торпеды поразили «Густлов», который затонул в полчаса. Спаслось примерно 900 человек, среди них капитан.

Мастерским маневрированием Маринеско увел лодку от атак кораблей охранения, сбросивших 240 глубинных бомб. По приказу Гитлера начальник конвоя был расстрелян, а боевой поход «С-13» продолжался. 9 февраля лодка одержала новую победу. Поздним вечером 9 февраля она торпедировала и в считанные минуты отправила на дно вспомогательный крейсер «Генерал Штойбен», имевший на борту около 4 тыс. фашистов. За один поход экипаж «С-13» под командованием Маринеско уничтожил 10 тыс. гитлеровцев, целую дивизию!

Успешно действовала подводная лодка «Л-3», которой командовал капитан 3-го ранга В. К. Коновалов. 17 апреля она потопила крупный транспорт «Гойя», имевший до 7 тыс. гитлеровских военнотру-

жащих на борту. Корабль ушел под воду за 3—4 минуты. Один из 170 спасшихся потом припоминал, что гибнувшие вояки хором пронзительно проклинали Гитлера, гаулейтера Восточной Пруссии Коха и войну. Поздно прозрели! Советские подводные лодки уничтожили с января по май 1945 г. 13 вражеских транспортов.

А войска 2-го Белорусского фронта с тяжелыми боями продвигались на Запад, очищая Восточную Померанию. Первоначально предполагалось, что сил фронта окажется достаточно для выполнения этой задачи. Гитлеровцы, однако, оказывали бешеное сопротивление. «Наступление 2-го Белорусского фронта, — отметил маршал Г. К. Жуков, — протекало очень медленно». Вот почему. К 1945 г. была восстановлена и усилена линия укреплений вдоль старой германо-польской границы, именовавшаяся Померанским валом. Хотя в целом эта линия была обойдена с юга, некоторые ее участки пришлось прорывать при наступлении с востока. В довершение всего во второй половине февраля последовало ожидавшееся командованием 1-го Белорусского фронта серьезное контрнаступление на юг в районе Штаргарда. Тщетно фашисты пытались ударом с тыла ликвидировать наш плацдарм на Одере. Конечно, из этого замысла ничего не вышло, но враг все же потеснил наши войска на несколько километров.

Маршал К. К. Рокоссовский писал, «что немецко-фашистское командование постарается использовать свою восточно-прусскую группировку, чтобы дать бой советским войскам и этим задержать их продвижение к Берлину. Нам уже было известно, что фашистское руководство, сосредоточивая усилия своих войск против Советской Армии, преднамеренно ослабляет свой западный фронт и уже ищет пути для сговора с правительствами США и Англии о заключении сепаратного мира. Обстановка настоятель-

но требовала от нас ускорить разгром гитлеровцев в Восточной Померании, чтобы освободить как можно больше сил для решающего удара на берлинском направлении».

Для разгрома врага и изгнания его из Восточной Померании двум фронтам — 1-му и 2-му Белорусским пришлось вести напряженные бои вплоть до конца марта. В общей сложности было разбито около 40 немецких дивизий. Сражение за Восточную Померанию изобиловало драматическими моментами и дало много примеров превосходства советской стратегии и тактики. Врага били и числом и умением. К. К. Рокоссовский рассек восточнопомеранскую группировку, направив 3-й гвардейский танковый корпус к побережью Балтийского моря. Гвардейцы-танкисты генерала А. П. Панфилова 5 марта овладели сильным опорным пунктом — г. Кезлином и вышли на побережье.

К десятым числам марта в Восточной Померании сложилась своеобразная военная обстановка. Войска 1-го Белорусского фронта, выйдя к Балтийскому морю, отогнали врага за Одер и завершали взятие сильно укрепленных городов. К 18 марта все побережье в полосе фронта было очищено от неприятеля. А войска 2-го Белорусского фронта теперь наступали на Восток, выполняя приказ Ставки не позднее 20 марта овладеть побережьем в полосе своего фронта, что означало, помимо прочего, взятие Данцигско-Гдыньского укрепленного района. Хотя в состав фронта была временно передана 1-я гвардейская танковая армия, продвижение, к сожалению, не всегда отвечало запланированному.

Генерал П. И. Батов (его армии предстояло штурмовать Данциг), возвращаясь к этим неделям страшных боев, когда враг бешено отбивался, отметил: «Гитлер под страхом смертной казни приказывал военным и гражданским властям держать до послед-

него крупные населенные пункты, превращать их в крепости, драться в окружении. Какую цель преследовал противник? Заставить нас расходовать много сил и средств на окружение и тем снизить темп наступления. Гитлеровскому руководству нужно было выиграть время для политической игры с нашими западными союзниками».

К 12 марта главные силы наступавших армий вышли к внешнему обводу Данцигско-Гдыньского укрепленного района, а дальше? С 13 по 21 марта советские солдаты продвигались лишь на 1—1,5 км в сутки.

Часто ползком по талой земле к зловещим, изрыгавшим огонь высотам, за которыми скрывались Данциг и Гдыня. На этих высотах таились тщательно замаскированные форты, орудия которых простреливали всю местность. С юга и юго-востока территория перед Данцигом затоплена. Везде мины. Железобетонные доты. Оборону крепостей Данциг и Гдыня подкреплял огонь с моря — гитлеровцы подогнали к берегу 6 крейсеров и 13 эсминцев.

Маршал К. К. Рокоссовский направил острие удара в самый центр укреплений противника — на Соппот, чтобы разъединить эти две крепости. Советская авиация отогнала от берега военные корабли врага. Больше двух недель продолжался круглосуточный штурм, больше двух недель ночами над полем боя стояло зловещее зарево. Пришлось буквально вгрызаться во вражескую оборону: были созданы штурмовые группы, в каждую из которых входили пехотинцы, артиллеристы, танкисты и саперы. Только 23 марта после захвата Соппота вражеская группировка была расчленена.

Нацисты понукали солдат держаться до последнего. Полевая жандармерия, эсэсовцы, летучие военно-полевые суды неукоснительно делали свое дело. Они хватали «укрывающихся» и вешали на фонар-

ных столбах и деревьях. На груди у повешенных виднелись надписи «я не повиновался своему командиру», «я — дезертир», «я — трус» и что-нибудь еще в этом роде. Те, кто казнил своих соотечественников, в первую очередь эсэсовцы, давно утратили веру в победу. Их зверства были яростью крыс, попавших в крысоловку, в какую превратились по приказу фюрера крепости Данциг и Гдыня.

Стремясь избежать бессмысленных потерь, 26 марта осажденным в Данциге был предъявлен ультиматум с предложением капитулировать, а мирным жителям в любом случае рекомендовалось покинуть город. Озверевшие гитлеровцы оставили ультиматум без внимания. Пришлось драться за каждый дом. 2 апреля Данциг пал, на верфях было захвачено 36 подводных лодок в разных стадиях постройки или ремонта. Почти одновременно взята Гдыня. В боях за этот город принимала участие 1-я польская танковая бригада, воины которой водрузили над городом польский национальный флаг.

Так разгромом врага в Восточной Померании завершилось освобождение Польши от немецко-фашистских оккупантов. В боях на этих исконных польских землях принимали участие воины 1-й армии Войска Польского. При освобождении родины армия потеряла около 10 тыс. убитыми. В сражениях на польской земле за вызволение братского польского народа отдали свои жизни 600 тыс. советских воинов.

Бойцы Красной Армии в Восточной Померании в который раз увидели «новый порядок» в действии. В брошенных хозяевами — немецкими баронами и кулаками — имениях и хозяйствах с неподдающейся описанию радостью их встречали русские люди, угнанные в неволю. Русская девушка Аня с Орловщины узнала среди наших солдат-артиллеристов брата. Она рассказала, что в 1942 г. ее вместе с другими девушками угнали на чужбину в рабство. В лагере

у Грауденца 10 девушек купил немецкий барон. «Относились к нам хуже, чем к скоту, — рассказывала Аня освободителям, — наказывали плетьюми, пищей служила мутная бурда и кусок эрзац-хлеба на день. Жили в сырых бараках за проволочным заграждением. А работали по 18 часов в сутки». Аню и ее подруг освободили, согрели вниманием и заботой, отправили на родину. Сколько же жизней загубили рабовладельцы XX в. на каторжных работах!

Разгром врага на южном крыле фронта. На рубеже 1944—1945 гг. продолжалось советское наступление на территории Венгрии и Чехословакии. К востоку от Дуная, в Венгрии, власть находилась в руках Временного национального правительства. Венгерские коммунисты напряженно работали в освобожденной части страны. Народно-демократическая власть укрепляла свои позиции. Но в западной части Венгрии, находившейся под немецкой оккупацией, неистовствовали венгерские фашисты. Их марионеточный режим был последним союзником гитлеровской Германии.

26 декабря 1944 г. 2-й и 3-й Украинский фронты завершили окружение очень сильной группировки врага в Будапеште. 29 декабря командование наших фронтов направило окруженным парламентаров с предложением сложить оружие. К чему вести бои в крупном городе, подвергать ненужным опасностям сотни тысяч мирных жителей, бессмысленно проливать кровь. Ответ фашистов — советские парламентары предательски убиты. Конечно, деяние вполне в духе нацистов.

Они решились на убийство парламентаров, шедших под белым флагом, с ультиматумом, подписанным командующими 2-го и 3-го Украинских фронтов маршалами Р. Я. Малиновским и Ф. И. Толбухиным.

Они не могли не понимать, что за смерть капитана Ильи Остапенко и венгра офицера Красной Армии Миклоша Штеймица неизбежно последует страшное возмездие.

Но думали уйти от ответственности. Как ни кажется странным, плотно обложенные со всех сторон в Будапеште, гитлеровцы пока еще не утратили надежд на будущее.

Их собралось в столице Венгрии много — почти 200 тыс., вооруженных до зубов войск вермахта. Осажденные имели в достатке оружия и даже базу для ремонта на предприятиях города. Главное — командование окруженной группировки знало: Гитлер, несмотря на катастрофическое положение на берлинском направлении, переносил центр тяжести борьбы на южное крыло фронта — в Венгрию. Гитлеровская солдатня, разумеется, не была посвящена в замыслы ставки фюрера, но судила по доступным ей фактам — в Венгрию непрерывным и широким потоком шли подкрепления, а с начала января 1945 г. немцы наносили один за другим сильные удары, пытаясь прорваться к Будапешту.

Завязались тяжелые бои, которые с небольшими паузами продолжались почти два с половиной месяца. Гитлеровцы неоднократно переходили в наступление, стремясь отбросить советские войска за Дунай. Это сражение запало в память участников на всю жизнь.

В наших войсках в Венгрии в то время сражались молодые офицеры Григорий Бакланов и Василь Быков, ныне известные писатели. Спустя 40 лет вернувшись к тем огненным месяцам, Григорий Бакланов напомнил, что уже в середине 50-х гг. написал повесть «Южнее главного удара» — о боях в Венгрии, под городом Секешфехервар. «Я все время видел эту зиму, как сражались и погибали, наш полк за всю войну понес там едва ли не самые

тяжелые потери. Мне хотелось рассказать, освободиться».

Раненый Василь Быков лежал в госпитале в небольшом венгерском городке Сексарде. Когда в начале января немцы прорвали наш фронт, госпиталь «был поднят по тревоге и в спешке начал эвакуацию на левый берег Дуная. Транспорта для всех не хватало. На немногих машинах и повозках были отправлены те, кто не мог передвигаться самостоятельно, остальные своим ходом ночью в снегопад совершили марш в район Байи, где по побитому льду перешли Дунай. Долечивались мы в Сегеде. Потом для меня снова потянулись долгие недели упорных боев под Балатоном, немцы долго не оставляли своих попыток расколоть войска третьего Украинского фронта и сбросить их в Дунай. Один из мощных ударов принес им успех, мы снова отступили, потеряв много боевых друзей, техники и вооружения. Но все же на дворе стоял 45-й год, перевес сил был явно не в пользу немцев, и близка была наша Победа».

Так как 3-й Украинский фронт отбивал бешеный натиск врага, Ставка с 18 января возложила ответственность за уничтожение окруженной группировки в Будапеште на 2-й Украинский фронт. Потребовалось почти полтора месяца круглосуточного сражения, прежде чем город был освобожден. Как при овладении другими крупными городами, так и в Будапеште решающую роль сыграли штурмовые группы. Храбрейшие из храбрых — автоматчики, огнеметчики, саперы под прикрытием огня артиллерии, танков и крупнокалиберных пулеметов скрытно подбирались к опорным пунктам врага (обычно крупные, прочные здания) и, прокладывая путь ручными гранатами, врывались внутрь. Схватка за каждый лестничный пролет, каждую комнату, подвалы и чердаки.

Советские воины стремились максимально щадить

город, разминирование шло одновременно с боевыми действиями. Были учреждены пункты сбора сведений о заминированных зданиях. Будапештцы сообщали о том, где немцы поставили мины. Немедленно высылались саперы для проверки заявлений и обезвреживания мин, среди которых было немало с хитроумными приспособлениями, вызывавшими взрыв при первом прикосновении. По заявлениям населения было разминировано 2450 объектов. Только 13 февраля Будапешт был освобожден. Враг потерял убитыми около 50 тыс., а 138 тыс. солдат и офицеров сдались в плен.

Президиум Верховного Совета Союза ССР учредил медаль «За взятие Будапешта». Маршал Советского Союза М. В. Захаров (в 1945 г. начальник штаба 2-го Украинского фронта) много лет спустя писал: для Будапешта «пришло освобождение от оков фашизма. Когда думаешь о том, какой ценой заплатил наш народ за это, неизменно вспоминается эпизод, который произошел со мной в Пеште в день его освобождения.

Машина медленно пробиралась по заваленным обломками зданий узким улицам. Кругом обгоревшие танки, исковерканные орудия, боевая техника. У одного из домов на поваленном фонарном столбе сидят два советских бойца — сержант и рядовой. Они не спеша закусывают. Лица у обоих печальные. При виде генерала солдаты встали и растерянно взглянули на неожиданно появившегося большого начальника. Потом сержант, выступив вперед, четко доложил:

— Рота обедает, товарищ генерал! Командир отделения сержант Ольхин. — И, видя мое недоумение, добавил: — Тут, вот на этой улочке, полегла наша рота, товарищ генерал. Санитары и похоронные команды подобрали всех ночью — и капитана нашего, и лейтенанта...

— А почему сидите?

— Ждем приказа.

— Давайте в машину.

Сержант потупился и, показав на аккуратно сложенное боевое оружие, сказал:

— А как же с этим, товарищ генерал?

Теплое чувство уважения к этим людям, по-настоящему понимающим и честно выполняющим свой солдатский долг, охватило меня.

— Спасибо, друзья, обязательно пришлю за вами».

Будапешт был освобожден. С середины февраля пошли сообщения нашей разведки о сосредоточении в районе озера Балатон очень сильной танковой группировки врага. Постепенно выяснилось — сюда подтягивается снятая из района Арденн 6-я танковая армия СС.

В советских штабах, получив первые сведения о прибытии этой армии, недоумевали. Начальник Генерального штаба А. И. Антонов, выслушав сообщение об этом командующего 3-м Украинским фронтом Ф. И. Толбухина, выразил величайшее сомнение: «Кто вам может поверить, что Гитлер снял 6-ю танковую армию СС с Запада и направил против 3-го Украинского фронта, а не под Берлин, где готовится последняя операция по разгрому фашистских войск?»

Действительно, поверить было очень трудно. Тем более что западные союзники как раз в это время подкинули советскому Генштабу дезинформацию о намерениях гитлеровцев. Они сообщили, что 6-я армия СС сосредоточилась-де в районе Вена, Моравска-Острава для удара в направлении Лодзь. На деле она изготавливалась к наступлению в районе озера Балатон, юго-западнее Будапешта. И. В. Сталин напишет 7 апреля Ф. Рузвельту: «Маршалу Толбухину удалось избежать катастрофы и потом разбить

немцев наголову, между прочим потому, что мои информаторы раскрыли, правда с некоторым опозданием, этот план главного удара немцев и немедленно предупредили о нем маршала Толбухина».

Враг имел помимо 6-й танковой армии СС главные силы армейской группы «Балк» — всего 430 тыс. солдат и офицеров, 5600 орудий и минометов, около 900 танков и штурмовых орудий, 850 самолетов. В составе противостоявшего ему 3-го Украинского фронта насчитывалось 400 тыс. солдат и офицеров, около 7 тыс. орудий и минометов, 400 танков и САУ, около 1 тыс. самолетов. Наши войска подготовились встретить врага. В этом сражении, получившем название Балатонской оборонительной операции, были использованы уроки битвы под Курском в 1943 г. На вероятных направлениях ударов врага была создана глубокоэшелонированная оборона, достигавшая 25—30 км. В самые сжатые сроки удалось установить заграждения всех видов, подготовить для войск укрытия, а ведь на основных направлениях на километр фронта приходилось свыше 30 противотанковых орудий.

6 марта германская группировка ринулась в контрнаступление. Военный совет фронта счел необходимым разъяснить в обращении к войскам: «Враг бросил в бой озверелые эсэсовские орды, пытается выйти на Дунай, прикрыть южные границы своей берлоги, он хочет остаться хозяином венгерской нефти, расположенной в районе Надьканижи, он хочет сохранить за собой Австрию с ее промышленностью. Он хочет подлатать свой подмоченный авторитет».

Десять дней у озера Балатон продолжались ожесточенные бои, бывали дни, когда гитлеровцы бросали на 1,5—2-километровые участки свыше 100 тяжелых танков. Генерал армии С. П. Иванов (в 1945 г. начальник штаба 3-го Украинского

фронта) имел все основания заключить: «В ходе минувшей войны контрудары противника при проведении советскими войсками наступательных операций были частым явлением. Так было в контрнаступлении под Сталинградом и Курском, в Киевской наступательной операции. Но подобных тем, которые наши войска отражали под Будапештом — по силам, участвовавшим в них, и по накалу борьбы, — мне не приходилось видеть. Это были наиболее сильные контрудары в Великой Отечественной войне, особенно последний из них».

Гитлеровцы исчерпали свои силы и пыл в этом последнем контрударе 15 марта, потеряв около 500 танков и штурмовых орудий, более 300 орудий и минометов, свыше 200 самолетов, 40 тыс. человек. Итог: продвижение на 20—30 км на узком участке фронта. Но вражеские танкисты так и не увидели Дуная. Не дошли!

Полезно провести сравнение — в Венгрии не преуспели те же войска, в первую очередь 6-я танковая армия СС, которые в Арденнах гнали американские части почти 100 км на довольно широком фронте. Эти немецкие соединения ушли из Арденн непобежденными, они встретили свою судьбу в Венгрии, где были разбиты, а в Австрии добиты Красной Армией. Разъяренный Гитлер прислал в район действий у озера Балатон Гимmlера. К этому времени обер-палач фашистского рейха обанкротился в Померании, был снят с поста командующего группой армий «Висла» и вернулся к своим привычным занятиям.

Гитлер повелел содрать у уцелевших солдат и офицеров 6-й танковой армии нарукавные шевроны, свидетельствовавшие об их принадлежности к войскам СС. Даже Геббельс, по-собачьи преданный фюреру, нашел процедуру смехотворной — Гимmlер шельмовал собственные войска, а «генералы

из сухопутных войск этому страшно рады: такой удар их конкурентам!»

Отбив вражеское контрнаступление, Красная Армия возобновила свой тяжелый, но победоносный путь на Запад. 4 апреля 1945 г. наши войска полностью освободили Венгрию. «Наш народ, — говорил Янош Кадар, — называет Советский Союз своим освободителем и празднует как величайший национальный праздник день 4 апреля, когда Советская Армия выбросила с территории страны последнего гитлеровского оккупанта». В мае 1945 г. Советское правительство предоставило венгерскому народу 15 тыс. т хлеба, 3 тыс. т мяса, 2 тыс. т сахара.

Освобождение Венгрии положило конец надеждам Вашингтона и Лондона ограничить продвижение Красной Армии на Запад.

Оставалась Австрия. В это время американское и английское командование, понукаемое правительственными ведомствами, определенно стремилось рывком бросить свои войска к Вене, а оттуда, повернув на север, выйти в Чехословакию, к Эльбе и даже Берлину. Следовательно, опередить Красную Армию. Политический смысл этих замыслов очевиден — попытаться восстановить пресловутый «санитарный кордон», т. е. создать в государствах, сопредельных с СССР, враждебные нам режимы. Эти планы уже сорвались в Польше, Румынии, Венгрии, но быть может, удастся оказаться раньше советских солдат в Вене.

2-й и 3-й Украинские фронты, однако, действовали без малейшей задержки: освободив Венгрию, били вермахт теперь уже на территории Австрии. Хотя Гитлер еще 1 апреля отдал приказ «Любой отступающий в Австрии будет расстрелян!», гитлеровцы (в основном 6-я танковая армия СС с содранными шевронами) уже 5 апреля откатились к Вене. На следующий день начался штурм города. Фанатичный

командующий этой танковой армией СС 3. Дитрих был убит в первый же день штурма. Советское командование постаралось избежать излишних разрушений и еще воззвало к венцам: «Помогайте Красной Армии в освобождении столицы Австрии». Пресловутый гитлеровский террорист полковник СС Скорцени доложил Гитлеру: войска вермахта спасаются бегством — и похвастался: он распорядился повесить на мосту для устрашения трех немецких солдат. Да, иные обезумевшие от страха гитлеровские вояки бежали, иногда, как доложил Скорцени, увозя с собой целые грузовики награбленного, но немало дралось до конца. В боях на территории Австрии пало 26 тыс. советских воинов.

13 апреля диктор Московского радио прочитал сообщение Совинформбюро: «Гитлеровцы намеревались превратить Вену в груды развалин. Они хотели подвергнуть жителей города длительной осаде и затяжным уличным боям. Умелыми и решительными действиями наши войска сорвали преступные планы немецкого командования». Вечером 13 апреля Москва двадцатью четырьмя залпами из 324 орудий салютовала войскам 2-го и 3-го Украинских фронтов, освободившим Вену.

Советское правительство в эти дни официально заявило, что «не преследует цели приобретения какой-либо части австрийской территории или изменения социального строя Австрии». Речь идет о содействии «восстановлению в Австрии демократических порядков». Населению столицы и восточной части страны СССР оказал значительную помощь продовольствием. Советские войска помогли восстановить железнодорожную сеть страны, очистить фарватер Дуная от мин, поднять более 100 затонувших судов.

Австрийцы горячо приветствовали и благодарили Красную Армию-освободительницу. В радости осво-

бождения от нацистского ига, естественно, они торопились предать забвению, что последовало за аншлюсом — включением Австрии в 1938 г. в состав германского рейха. Вся австрийская армия вошла в вермахт, а когда Германия напала на Советский Союз, австрийские соединения воевали до конца в составе гитлеровских вооруженных сил. В апреле 1945 г. советский публицист Л. Первомайский, приехавший в Вену, писал: «Сейчас австрийцы проклинают тот час, когда Гитлер впряг их в свою колымагу, чтобы помчаться к пропасти... Многие австрийские солдаты нашли смерть на полях России. Но миллионы австрийцев должны были рано или поздно схватиться за голову». Конечно, схватились! Когда стали непосредственными свидетелями, как советские солдаты бьют и добивают отборные гитлеровские войска.

А на западном фронте? Уместнее всего ответить на этот вопрос словами Ремарка: на западном фронте без перемен. В середине января стало ясно, что наступление Красной Армии заставило германское командование приказать своим войскам отойти в Арденнах на исходные позиции, а затем переброска все новых соединений на Восток практически обнажила западный фронт. 20 января Эйзенхауэр решил: отныне союзные войска проведут стратегическое наступление в три этапа. На первом — одолеют врага в междуречье Мааса и Рейна, прорвут при этом «линию Зигфрида» и выйдут широким фронтом на Рейн. На втором — форсируют Рейн и создадут сильные плацдармы на правом берегу реки. На третьем — ударами с плацдармов по сходящимся направлениям окружают и пленят группировку противника, сосредоточенную в Рурском промышленном районе. Затем — наступление на Восток, к Эльбе, к Берлину.

С февраля союзные войска приступили к выполнению стратегических предназначений Эйзенхауэра. 13 февраля Монтгомери докладывает в Лондон: «Трудности создает грязь и распутица, а не враг. Германские солдаты дерутся скверно, они сдаются в плен при первой же удобной возможности». Боевые действия развивались очень вяло, даже когда земля подсохла, к началу марта среднесуточные темпы продвижения союзных армий (на разных участках) составляли 1,2—1,3 км или 2,5—3,5 км. Высший американский генералитет счел возможным в эти месяцы — в феврале и до двадцатых чисел марта — усиленно отдыхать, приходить в себя после арденнских тревог.

Середина февраля застала популярнейшего американского военачальника генерала Паттона в Париже. Он разместился в роскошном отеле «Риц» и воздавал должное изысканной французской кухне и кабаре «Фоли Бержер».

В начале марта Паттон принимал Эйзенхауэра в своей резиденции в Люксембурге. «Генерал Эйзенхауэр, — записал Паттон в своем дневнике, — заявил, что я не только хороший генерал, но и счастливый генерал, а Наполеон предпочитал удачу величию. Я ответил, что за два с половиной года совместной службы я впервые удостоился от него похвалы».

В середине марта американские командующие во главе с Эйзенхауэром отправились в пятидневный отпуск на Ривьеру. Они добирались туда каждый по своим склонностям — кто в личном поезде, кто самолетом (персональная автомашина следовала по железной дороге). Обильные застолья, карточная игра ночь напролет. Командование американских вооруженных сил определенно вошло во вкус войны. Разве могли вчерашние полковники и бригадные генералы мечтать о такой жизни в бесцветные годы военной службы на родине, в Соединенных Штатах!

Во вкус войны, на свой лад и в зависимости от положения, входили американские солдаты и офицеры. Уже вскоре после высадки в Нормандии американская армия заслужила у местного населения репутацию грабителей. Друг Эйзенхауэра Кей Саммерсби записывала в своем дневнике: «Множество случаев убийств, изнасилований и грабежей вызывают жалобы со стороны французов, голландцев и прочих... Эйзенхауэр обсудил дисциплину в 101-й и 82-й авиадесантных дивизиях. Она плоха, много изнасилований, грабежа, нужно принять решительные меры. Эйзенхауэр предлагает — вешать публично». А именно эти дивизии считались лучшими в вооруженных силах США! Что говорить о положении в других частях и соединениях. С момента высадки в Нормандии в июне 1944 г. и до конца войны американские военные суды приговорили к смертной казни 454 своих военнослужащих, 70 приговоров приведены в исполнение. Можно, однако, уверенно утверждать — до суда дошла только ничтожная часть преступников в американской военной форме.

Если в эти месяцы западные союзники не блистали на полях сражений, то работники американского Управления Стратегических Служб были очень заняты. Но даже сейчас, спустя 40 лет после окончания войны, американские историки, допущенные к самым секретным архивам, следовательно, надежные в глазах Вашингтона, не в состоянии выяснить, какие интриги плело УСС. Биограф руководителя УСС генерала Донована историк А. Браун в громадной книге, вышедшей в 1982 г., сухо замечает: «В марте 1945 года действия Донована, которые было всегда трудно проследить, стали совершенно загадочными. Это случилось именно в то время, когда германский генеральный штаб проявил желание открыть фронт перед западными союзниками, позволив им оккупировать всю Германию раньше

Красной Армии». Браун впервые публикует данные о том, что с немецкой стороны тайные переговоры об этом вели командующий западным фронтом фельдмаршал Рундштедт и начальник генерального штаба генерал Гудериан. 27 февраля Эйзенхауэр доложил в Вашингтон: «Через УСС я получил сведения о возможном обращении одного или нескольких высших немецких военачальников с целью облегчить победу союзников на Западе, дабы быстро покончить с войной». Эйзенхауэр добавил, что готов вести эти переговоры «в той сфере, которая касается чисто военных дел».

Как прошли эти переговоры, сказать трудно, однако Браун объяснил, что на протяжении многих десятилетий считался чистой «случайностью» захват неповрежденным 7 марта железнодорожного моста через Рейн в Ремагене. «Мы не успели взорвать это важнейшее средство переправы, так как не было взрывчатых веществ», — написал Гудериан даже в послевоенных мемуарах. На деле, по словам Брауна, Донован сумел каким-то образом договориться с теми, кто должен был взорвать мост в Ремагене. По всей вероятности, Донован сделал это лично, выехав на место действия. В результате «через этот мост, — написал Браун, — перебралась первая американская армия, которой удалось занять обширные районы центральной Германии до их оккупации Красной Армией». Действительно, как известно, на этом направлении войска США к исходу войны зашли восточнее согласованных в Ялте границ оккупационных зон, заняв часть советской зоны.

Наверное, Донован необыкновенно гордился своим достижением, однако успех в этой все же второй-степенной операции тайной войны обернулся неудачей в главном — сорвались переговоры через Рундштедта. Гитлер остро прореагировал на захват ремагенского моста, заподозрив предательство.

Пять офицеров, ответственных за уничтожение моста, были по его приказу расстреляны. Фельдмаршал Рундштедт смещен со своего поста, а 28 марта он прогнал Гудериана с поста начальника генерального штаба. Но это не означало, что прекратилась тайная деятельность западных союзников за спиной и против Советского Союза.

Они крались к Берлину. Эйзенхауэр приказал перебросить на плацдарм у Ремагена не менее 5 дивизий. К 22 марта плацдарм достиг 40 км по фронту и 15 км в глубину. Американские войска заняли исходные позиции для охватывающего удара по Руру с юга. Тем временем Монтгомери обстоятельно готовился к форсированию Рейна севернее Рура с последующим обходом этого промышленного района и соединением с войсками, которые должны были выступать с плацдарма у Ремагена. Всего для наступления западные союзники собрали 91 дивизию. Они более чем в 3 раза превосходили по силам ослабленные, разношерстные части вермахта. Авиация США и Англии полностью господствовала в воздухе.

23 марта на глазах приехавшего на Рейн премьер-министра Англии У. Черчилля началось бравое форсирование водной преграды. Переправлялись в основном английские войска. Дивизии доносили о том, что потери по полтора десятка человек. Уже к исходу 28 марта плацдарм севернее Рура расширился до 60 км по фронту и 35 км в глубину. Противник практически перестал оказывать сопротивление, но Монтгомери постановил — ни шагу дальше, пока за Рейном не соберется 20 дивизий и 1500 танков.

Американская группа армий 23 марта также двинулась от Ремагена и с плацдарма, захваченного у Оппенгейма. Сопротивление немцев прекратилось

уже 26 марта, и 25 американских дивизий, включая 7 бронетанковых, действовали как на маневрах.

Итак, к концу марта 1945 г. в армии западных союзников было 4600 тыс. солдат и офицеров. В высших штабах не сомневались, что в считанные недели фашистскому рейху придет конец. Утрясались лишь детали.

25 марта группу офицеров 82-й американской авиадесантной дивизии собрали в штабе в Суассоне, в Северной Франции. Командир дивизии генерал Дж. Гейвин предупредил: «Все сказанное останется в этой комнате». Он объяснил, наконец, цель бесконечных учений, в которых погрязла дивизия даже теперь, когда союзные войска уже продвигались по ту сторону Рейна. Генерал раздвинул шторы на стене, и перед изумленными офицерами предстала крупномасштабная карта Берлина. Максимум через 2—3 недели, сказал Гейвин, дивизия высадится на аэродром в Темпельгофе. Одновременно 101-я американская авиадесантная дивизия захватит аэродромы к западу от города, а английская авиадесантная бригада — к северо-востоку от Берлина. 1500 транспортных самолетов, 1 тыс. планеров под прикрытием 3 тыс. истребителей доставят в общей сложности 20 тыс. десантников.

Ворвавшись в Берлин, они должны захватить правительственные здания, центры связи, арестовать военных преступников, забрать секретные документы. Предстояло подавить любое сопротивление и ожидать наземные войска, которые подойдут через 2—3 дня. Приказ о высадке последует тогда, когда Берлин окажется в пределах досягаемости для танковых и пехотных дивизий, уже вступивших на территорию Германии. А пока... Гейвин представил офицерам таинственного агента союзных спецслужб, который предупредил: «Не ожидайте, что вас встретят как освободителей с шампанским и розами. Части армии,

СС и полиции будут драться до последнего патрона, а затем выйдут с поднятыми руками, заверяя, что произошла жуткая ошибка, виноват Гитлер, и поблагодарят за то, что вы вошли в город раньше русских».

Офицеры расходились заметно помрачневшие. Впереди, по всей вероятности, кровавый бой. Гейвин, однако, утаил от них другой повод к немедленной высадке — внезапную капитуляцию Германии. Тогда американо-английским авиадесантным войскам предстояло за несколько часов с момента получения сведений об этом взять столицу Германии и установить там царство «закона и порядка». Сохраняемая в глубокой тайне операция (последовательно носившая кодовые названия: «Рэнкин», «Дело Ц», «Талисман», «Эклипс») разрабатывалась со времен подготовки вторжения в Европу. Рассматривая в конце марта карту, заместитель командира 101-авиадесантной дивизии генерал Дж. Хиггинс сказал: «Если наземные войска будут и дальше так продвигаться, мы останемся без дела».

По дорогам Германии от границ Голландии до Швейцарии двигалась на Восток машина техники и войск. Ревели танки и артиллерийские тягачи, бронированные бульдозеры и дизеля громадных тягачей, тянувших платформы с понтонами, мостовыми секциями. Бесконечные колонны грузовиков с солдатами, снаряжением, боеприпасами. На дорогах заторы — масса техники. Иногда и сопротивление, вспыхивавшее по большей части случайно.

1 апреля американские и английские армии окружили наконец в Руре 325-тысячную немецкую группировку, из которой 317 тыс. сдались в плен в последующие две с небольшим недели.

В конце марта — начале апреля в штабе Эйзенхауэра принимается решение о дальнейших действиях (по сей день на Западе идет дискуссия, почему

Эйзенхауэр-де отказался от наступления прямо на Берлин). Конечно, и речи быть не может о том, чтобы он недооценил значения Берлина, который еще недавно именовал «главным призом» войны. Верховный главнокомандующий западных союзников просто рассудил, что неблагоразумно идти прямо на Берлин, когда советские армии, насчитывающие не менее миллиона человек, стоят в 60 км от Берлина. Больше того, если на Западе гитлеровцы прекратили сопротивление, они с яростным отчаянием ведут войну против Красной Армии. Выход к Берлину с Запада, а туда в лучшем случае могут поспеть только американские авангарды, означает — они окажутся в непосредственном тылу советско-германского фронта. Совершенно неизбежны схватки. Эйзенхауэр осведомился у генерала Брэдли, каковы могут быть потери. Тот ответил: «При взятии Берлина мы потеряем сто тысяч человек».

Эйзенхауэр наметил ось основного наступления южнее Берлина в общем направлении на Лейпциг — Дрезден. Узнав об этом, Черчилль буквально впал в отчаяние. Он бомбардирует Рузвельта посланиями, требуя во что бы то ни стало брать Берлин. 4 апреля Рузвельт спокойно отвечает ему: «Лейпциг находится недалеко от Берлина, который остается в центре наших общих усилий». Иными словами, действовать по обстоятельствам. Именно в эти дни Эйзенхауэр получает длинную телеграмму от генерала Дж. Маршалла с рассуждениями насчет внезапного краха Германии. Черчиллю оставалось только браниться, впрочем, он мудро заметил фельд-маршалу Бруку: «Есть одна вещь, худшая, чем сражаться с союзниками, — это воевать без них».

О «войне» западных союзников в апреле 1945 г. на территории Германии нужно говорить очень и очень условно. Куда большее значение имели закулисные интриги.

Еще в середине марта Советскому правительству стало известно о том, что в Швейцарии, в Берне, американские и английские представители ведут переговоры с гитлеровцами. В ответ на запросы советского Министерства иностранных дел западные союзники ответили, что их военные представители установили контакт с немцами, пытаясь выяснить, согласен ли противник капитулировать в Северной Италии. Иными словами, дело-де не столь важное, касающееся очень второстепенного фронта. Тогда Москва потребовала либо допустить на эти переговоры советских представителей, либо прекратить их. Последовал отказ.

В Вашингтоне и Лондоне отлично понимали, что пойманы с поличным — США и Англия за спиной СССР затеяли сепаратные переговоры с Германией. Как выпутаться? 21 марта летит красноречивое послание Черчилля Сталину. Он вздох рассказывает о том, что англо-американские армии днями ринутся через Рейн. Английский премьер вдруг открылся: «мне кажется», многозначительно сообщил он, что «Гитлер попытается продолжить войну путем смертельной борьбы в Южной Германии и Австрии с возможным контактом со своей армией в Северной Италии. Безжалостное и упорное сражение в Будапеште, а сейчас у озера Балатон вместе с другими приготовлениями подкрепляют эту мысль». О самих переговорах в Берне ни слова.

В это время действительно ходили упорные слухи о том, что гитлеровцы-де создали некий «редут» в Альпах, где будут драться до конца. Коль скоро в Москве знают о переговорах в Швейцарии будто бы с целью капитуляции гитлеровцев в Северной Италии, рассудил Черчилль, советские руководители расценят их как союзническую заботу не допустить отхода немецких войск в «альпийский редут». Черчилль, однако, прекрасно знал, что «редут» —

химера. Но он с величайшей серьезностью пытался убедить Москву в противном, тая заднюю мысль — Советский Союз перебросит значительные силы на юг. Следовательно, не удастся создать достаточную группировку Красной Армии для удара на Берлин, в то время как войска западных союзников через Рейн устремятся дальше на Восток, к Берлину!

23 марта в игру включается Рузвельт. В строго секретном послании Сталину он расписывает выгоды, которые получают союзники из переговоров в Берне о капитуляции врага в Северной Италии. 29 марта Сталин в сдержанном послании напоминает: на Ялтинской конференции договорились — не давать возможности противнику перебрасывать войска с одного фронта на другой. «Эта задача выполняется советским командованием», — заметил Сталин, а вот «немцы уже использовали переговоры с командованием союзников и успели за этот период перебросить из Северной Италии три дивизии на советский фронт». Что до переговоров в Берне, то немцы, добиваясь сдачи и открытия фронта перед союзниками, преследуют «какие-то другие, более серьезные цели, касающиеся судьбы Германии».

Последовали негодующие опровержения Рузвельта, к которым присоединился Черчилль. Рассказы о том, что на западном фронте немцы терпят поражение в результате натиска союзных армий и т. д. 3 апреля Сталин извещает обоих корреспондентов о том, что «в данную минуту немцы на деле прекратили войну против Англии и Америки. Вместе с тем немцы продолжают войну с Россией — с союзницей Англии и США. Понятно, что такая ситуация никак не может служить делу сохранения и укрепления доверия между нашими странами».

Рузвельт счел необходимым выразить «крайнее негодование» информаторами Советского правительства «в связи с таким гнусным, неправильным

описанием моих действий или действий моих доверенных подчиненных». В свою очередь, Черчилль с видом оскорбленной невинности изрек: «обвинения» Сталина в адрес президента США «также чернят правительство Его Величества».

А. Браун, официальный историограф УСС, естественно, не затрагивая авторитет Белого дома, тем не менее заметил: написанное Сталиным «было очень близко к истине... действия Донована или то, что известно о них, вызывают тревогу. Мы знаем, что был тайный контакт между УСС и Вейцзекером (посол Германии в Ватикане. — Н. Я.), а также между Даллесом и представителями германского верховного командования в Италии... а тогда не было более тайных и важных операций у УСС, чем различные контакты с высшим командованием Германии, которые привели к капитуляции всех германских армий в Италии... Но как обстояло дело, мы все же не узнаем. Мы уже видели, что никто не мог сравниться с Донованом в скрытности и никто не владел лучше, чем он, искусством не позволять своей левой руке знать, что делает правая».

Тайны! Тайны! Тайны! А тогда Рузвельт настаивал в посланиях Сталину, что войска западных союзников быстро пошли по Германии только потому, что «Эйзенхауэру удалось подорвать силы основной массы германских войск на западном фронте». Черчилль вторит президенту США в более лестной для СССР формулировке: «Германские армии на Западе были наголову разбиты. Тот факт, что они имели перед собой численно превосходящие наземные силы на Западе, объясняется великолепными ударами и мощью советских армий». Следовательно, тайные переговоры с гитлеровцами будто бы не имеют к этому никакого отношения.

7 апреля И. В. Сталин, подводя итог переписки

по этому вопросу, отправляет послание Рузвельту, копию которого направляет Черчиллю. «Трудно согласиться с тем, что отсутствие сопротивления со стороны немцев на западном фронте объясняется только лишь тем, что они оказались разбитыми. У немцев имеется на восточном фронте 147 дивизий. Они бы могли без ущерба для своего дела снять с восточного фронта 15—20 дивизий и перебросить их на помощь своим войскам на западном фронте. Однако немцы этого не сделали и не делают. Они продолжают с остервенением драться с русскими за какую-то малоизвестную станцию Земляницу в Чехословакии, которая им столько же нужна, как мертвому припарки, но безо всякого сопротивления сдают такие важные города в центре Германии, как Оснабрюк, Мангейм, Кассель. Согласитесь, что такое поведение немцев является более чем странным и непонятным».

Советскому правительству в этих обстоятельствах повелительно требовалось принять срочные решения. Дело было серьезнейшее и не терпевшее никаких отлагательств — где и как кончится война против Германии.

Победоносный финал

На Берлин! Западные союзники тщательно маскировали от Москвы свои намерения идти на Берлин. В конце марта Эйзенхауэр направил главе американской военной миссии в Москве генералу Дж. Дину для передачи И. В. Сталину информацию о том, что союзные армии будут двигаться на северо-восток — в направлении Любека и на юго-восток — к Лейпцигу. Эйзенхауэр заверял, что на берлинском направлении союзные армии остановятся на демаркационной линии, согласованной на Ялтинской конференции. Дин задержал передачу документа почти

на сутки. Он, видимо, счел его неубедительным — голые слова, никаких данных ни о силах противника, ни о собственных. Генерал попытался получить соответствующие данные, дабы сообщение выглядело убедительнее в Москве. Отправил шифровку Эйзенхауэра, тот ответил ему: объединенный комитет начальников штабов запретил предоставлять Сталину эти сведения.

Для советского Генерального штаба картина была ясна. Если союзники отделиваются общими фразами, дело нечисто. «Мы не дремали, — вспоминал генерал С. М. Штеменко, — у нас в Генеральном штабе к тому времени были уже разработаны все основные соображения по Берлинской операции... как только обнаружили первые поползновения союзников на Берлин, последовал немедленный вызов в Москву Г. К. Жукова и И. С. Конева».

29 марта Жуков прибыл в Москву. В этот же день он доложил Сталину план наступления 1-го Белорусского фронта на Берлин, которое можно было начать не позднее чем через две недели. Во время обсуждения с Жуковым предстоявшей операции Сталин сказал: «Немецкий фронт на Западе окончательно рухнул, и, видимо, гитлеровцы не хотят принимать мер, чтобы остановить продвижение союзных войск. Между тем на всех важнейших направлениях против нас они усиливают свои группировки. Вот карта, смотрите, последние данные о немецких войсках. Думаю, что драка предстоит серьезная».

На берлинское направление к этому времени гитлеровцы стянули примерно миллион войск, 10400 орудий и минометов, 1500 танков и штурмовых орудий, 3300 боевых самолетов. На оборону города был брошен личный состав расформированных военных училищ и военных учебных заведений, множество пехотных, танковых, артиллерийских

и специальных запасных частей. Германский генеральный штаб отлично понимал, что судьбу Берлина решит предстоящее сражение на Одере. Поэтому все усилия гитлеровцы приложили к защите города с востока. Начиная от переднего края немецкой обороны перед Кюстринским плацдармом и далее на запад до Берлина и в самом Берлине шли ряд за рядом оборонительные рубежи. Ничего подобного, даже отдаленно, не было на западных подступах к городу. Это отвечало политике гитлеровского руководства сдавать по существу без сопротивления территорию Германии войскам западных союзников и продолжать яростную борьбу против Красной Армии.

Засевший в Берлине вместе с Гитлером Геббельс 3 апреля доверился своему дневнику: «У СССР с США и Англией уже глубокие противоречия. Я убежден в том, что эти политические разногласия можно быстро разжечь до пламени, особенно если они не будут постоянно приглушаться военными успехами противной стороны». Следовательно, любой ценой отбить наступление Красной Армии. И гитлеровское руководство побуждает тысячи и тысячи немцев гибнуть за пропащее дело на пороге полного разгрома фашистского рейха. Одновременно продолжались закулисные интриги Берлина с западными союзниками.

Советское правительство не было в неведении обо всем этом. Заканчивая беседу с Жуковым 29 марта, Сталин показал ему документ, свидетельствовавший о том, по словам Жукова, что «немцы предлагали союзникам прекратить борьбу против них, если они согласятся на сепаратный мир». Нельзя было медлить с захватом Берлина. Сталин приказал вызвать в Ставку командующего 1-м Украинским фронтом.

В Ставке был рассмотрен и утвержден план овладения Берлином, подготовленный совместно Ген-

штабом и командованием 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов. В нем сочетались трезвый расчет с реальным представлением о трудностях, а главное — в основе плана лежали ясные политические цели. Начало операции наметили на 16 апреля, определив в течение 12—15 дней выйти на Эльбу.

И. В. Сталин настаивал на том, чтобы Берлин брали войска 1-го Белорусского фронта. Сопредельным фронтам — южнее 1-му Украинскому и севернее 2-му Белорусскому — предстояло только оказывать содействие войскам маршала Г. К. Жукова. Так и были проведены разграничительные линии между фронтами. Со стороны командования 2-го Белорусского фронта возражений не последовало: в любом случае его войска не могли поспеть к установленному жесткому сроку начала операции. Но, как писал генерал С. М. Штеменко, «маршал Конев очень разволновался при этом по поводу разграничительной линии с 1-м Белорусским фронтом, она не давала ему возможности для удара по Берлину». Главный удар фронту надлежало наносить в направлении Шпремберга, Бельцига, примерно на 50 км южнее Берлина.

Генеральный штаб счел необходимым доложить Сталину, что исключение войск 1-го Украинского фронта из непосредственных боев за Берлин может поставить под сомнение сроки всей операции. Маршал И. С. Конев высказался за то, чтобы все же нацелить часть сил его фронта на Берлин. Силы 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов были равны, каждый располагал двумя гвардейскими танковыми армиями. После некоторых раздумий Сталин пошел на компромисс. Он довел разграничительную линию между фронтами до Люббена, находящегося в 60 км юго-восточнее Берлина, заметив: «Кто первый ворвется, тот пусть и берет Берлин».

В Ставке договорились с Жуковым и Коневым,

что в случае затруднений для 1-го Белорусского фронта при ударе на Берлин прямо с востока 1-й Украинский фронт повернет обе свои гвардейские танковые армии на север, на Берлин. Однако в любом случае только после того, как минуют Люbben. 2 апреля Жуков вернулся в штаб 1-го Белорусского фронта. Времени было в обрез, днем и ночью работало командование фронта, готовя заключительную операцию Великой Отечественной войны.

К этому времени наши инженерные части изготовили точный макет города с пригородами. Изучалось предстоящее сражение.

Площадь города — 900 кв. км. По окружности Берлин был разделен на восемь секторов обороны, в девятый, «особый» сектор входил центр города с основными правительственными зданиями. Очень развитая и разветвленная система подземных коммуникаций, не говоря уже о метро, давала укрытие для войск и обеспечивала возможность их скрытной переброски. Три пояса обороны на непосредственных подступах к городу. Улицы перегорожены тяжелыми баррикадами, противотанковыми препятствиями. В домах немало заложённых окон, превращенных в бойницы. Помимо множества бетонных огневых точек зарытые в землю танки. На оборонительных работах в Берлине было занято 400 тыс. человек. Шестикратная съёмка нашей разведывательной авиацией Берлина убеждала: враг даст смертный бой.

В общей сложности на берлинском направлении в составе наших фронтов было войск 2,5 млн., 41600 орудий и минометов, 6250 танков и САУ, поддерживаемых 7500 боевыми самолетами. Кюстринский плацдарм, с которого наносился основной удар по Берлину, был до отказа заполнен войсками. Однако внешне плацдарм представлялся пустынным, войска были надежно укрыты. На участках пред-

стоявшего прорыва по приказу Г. К. Жукова плотность артиллерии достигала 300 стволов на 1 км фронта. А что означала постановка только одного орудия на огневую позицию — отрыть для него окоп, землянку для расчета, ровики для снарядов. За время подготовки операции на плацдарме было выброшено не менее 1800 тыс. кубометров земли.

Неимоверно трудную работу проделали службы тыла. К началу наступления на Берлин железнодорожное полотно почти до Одера переделали на широкую колею. Это позволило обеспечить войска всем необходимым для штурма Берлина. Г. К. Жуков образно написал: «Чтобы представить себе масштаб всех этих перевозок, достаточно сказать, что, если бы выстроить по прямой поезда с грузами, отправленными для этой операции, они растянулись бы более чем на 1200 километров». В первый день наступления (только в один день!) спланировали израсходовать 1147569 снарядов и мин, 49940 реактивных снарядов. Для доставки этих боеприпасов потребовалось 2382 вагона. Это означало, что в день начала наступления на каждый километр прорыва вражеского фронта обрушится 358 т разящего металла.

В преддверии решающего сражения, которое предстояло вести в громадном городе, в войсках с особой силой проводилась большая разъяснительная работа, начатая еще при приближении к границам Германии. Вновь и вновь подчеркивалось, что задача Красной Армии не месть, а уничтожение злейшего врага всего человечества — фашизма. Нужно помнить, что к Берлину пришли советские солдаты, наступавшие от Москвы и Волги. Они прошли страшный путь, собственными глазами видели чудовищные зверства, которые чинили гитлеровцы на временно захваченной советской территории. «Должен сказать, — вспоминал маршал Жуков, —

что благодаря своевременным указаниям ЦК нашей партии и широкой разъяснительной работе нам удалось избежать нежелательных явлений, которые могли бы быть проявлены со стороны бойцов, семьи которых так сильно пострадали от зверств и насилий гитлеровцев». Советский воин вступил на территорию Германии как воин-освободитель.

14 апреля «Правда» писала: «Красная Армия, выполняя свою великую освободительную миссию, ведет бои за ликвидацию гитлеровской армии, гитлеровского государства, гитлеровского правительства, но никогда не ставила и не ставит своей целью истребить немецкий народ». Это понимал и об этом помнил каждый советский солдат.

Браг изготовился. В конце марта командующим немецкой группой армий «Висла», оборонявшей Берлин, был назначен генерал-полковник Г. Хейнрици. После полного провала на командных постах эсэсовских генералов Гитлер вверил оборону столицы кадровому генералу вермахта. Так что послевоенные и многолетние сетования битых немецких военачальников на то, что, дескать, все беды Германии в той войне из-за руководства боевыми действиями дилетантами, не обоснованы. Последнюю битву войны, как и все предыдущие, проиграли кадровые немецкие генералы.

По всем дорогам в эти дни к Берлину гнали военные части. Мимо них, на юг и юго-запад, устремился встречный поток. На грузовиках вывозилось имущество правительственных ведомств, шла нескончаемая вереница служебных легковых машин. За стеклами мелькали мрачные упитанные физиономии «золотых фазанов», как прозвали немцы деятелей национал-социалистской партии, носивших на коричневых мундирах позолоченную свастику. Набив свои «мерседесы» и «хорьхи» чемоданами,

с женами и детьми партийные чиновники спешили подальше от Берлина. Спасая свою шкуру, они устремились в те районы Германии, которые, по их представлению, займут американские войска.

Министр пропаганды фашистского рейха Геббельс в это время был гаулейтером Берлина и частично явочным порядком возложил на себя руководство обороной города по линии партии. Он ввел еженедельные «военные советы», на которых раздавал направо и налево самые различные приказы. Истериические внушения Геббельса насчет нацистских идеалов теперь в основном падали в пустоту. Бегство «золотых фазанов» шло вопреки его драконовскому приказу: «Ни один мужчина, способный носить оружие, не должен покинуть Берлин!» Руководитель немецкого Красного Креста Гравитц предпочел иной исход: за ужином он взорвал две ручные гранаты. Погибла вся семья. После войны выяснилось: Гравитц был другом Гиммлера, вдохновителем «медицинских экспериментов» над заключенными в концентрационных лагерях.

Берлин подвергался все нарастающим по силе воздушным налетам. Почти каждый третий из 1562 тыс. домов города был разрушен до основания. Но парадокс, который могли бы объяснить, но не объяснили стратеги англо-американского наступления в воздухе: 65% берлинских предприятий продолжали работать. На них было занято 600 тыс. человек. Если в центре города сплошные разрушения охватывали 50—75% площади застройки, то в основном районе военной промышленности Шпандау было разбито не более 10% зданий. Население района терялось в догадках: почему его миновали страшные «ковровые» бомбардировки, когда тысячные армады союзных бомбардировщиков бомбили все подряд по площадям? Можно высказать предположение: Шпандау — самый западный рай-

он Берлина — по межсоюзническим соглашениям входил в секторы, предназначенные для оккупации западными державами.

Геббельс требовал выполнять в предстоящем сражении за Берлин тактику «выжженной земли», уничтожая все, чтобы затруднить штурм города Красной Армией. Он внушал, что Берлин продержится не менее двух месяцев. Что это будет означать для города, нацистский маньяк, естественно, не слишком понимал. Хейнрици да и некоторые другие генералы, с легким сердцем отдававшие приказы о сплошных разрушениях на советской территории, не торопились превращать собственные города в «выжженную землю». Министр вооружений А. Шпеер, в недавнем прошлом любимец фюрера, был убежденным противником применения варварских методов, опробованных на чужих землях, на своей. Он быстро нашел общий язык с Хейнрици, который подвел итог их тайному совещанию в штабе группы армий «Висла»: «Берлин не превратится в Сталинград. Я этого не допускаю».

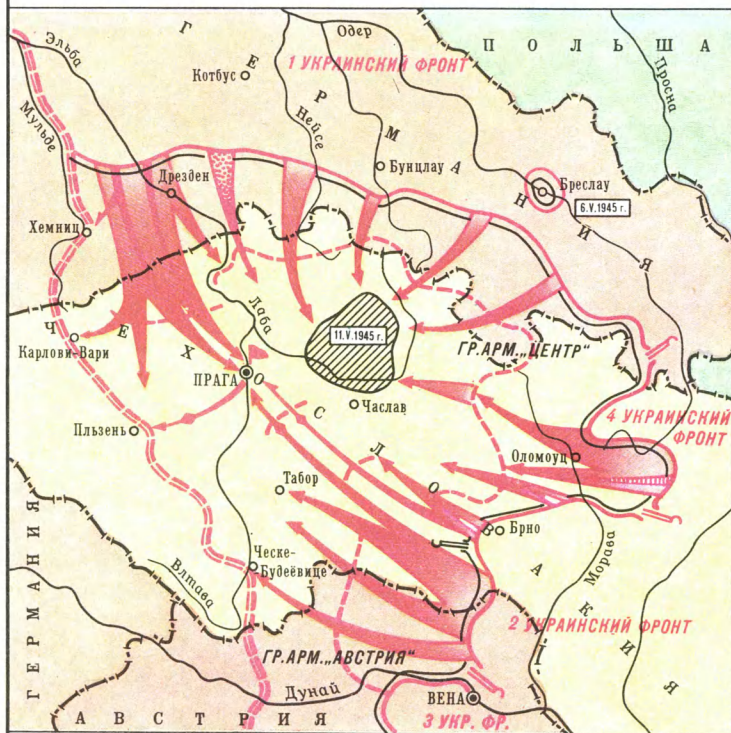
Хотя каждый день приближал конец, Гитлер жил в призрачном мире, надеясь вопреки самой надежде, что удастся дожидаться раскола в антифашистской коалиции. Под этим углом зрения спецслужбы гибнущего нацистского государства анализировали все поступавшие к ним данные. Где-то в январе 1945 г. германская разведка ухитрилась раздобыть из английского источника копию совершенно секретного документа — досье об «Операции Закат». На 70 страницах и нескольких картах разъяснялись принципы союзной политики к Германии после ее разгрома, указывались границы оккупационных зон. Другими словами, Гитлер и его непосредственное окружение сумели ознакомиться с документацией по вопросам, которые подлежали утверждению в Ялте, раньше самой конференции.

Памятуя о границах оккупационных зон, в ставке Гитлера сделали далеко идущие выводы из того, что в Австрии советские войска не пошли дальше согласованной линии, в то время как американские авангарды поторопились вторгнуться в зону, подлежащую оккупации Советским Союзом. «Может быть, удастся убедить других, — твердил в эти дни Гитлер, имея в виду США и Англию, — что в конечном итоге есть только один человек, способный сдерживать большевистского колосса, и этот человек — я!»

Свои военные «способности» он продемонстрировал еще раз в самые последние дни войны. Даже в начале апреля 1945 г. Гитлер цеплялся за свою прежнюю мысль — основной удар Красная Армия нанесет на Прагу. Его поддерживал в этом убеждении генерал Ф. Шернер, командовавший группой армий «Центр», державшейся в основном на юге Германии и в Чехословакии. «Мой фюрер, — докладывал Шернер, — это следует из истории. Помните слова Бисмарка: тот, кто держит Прагу, держит Европу». В награду за «прозорливость» Гитлер возвел Шернера в фельдмаршалы и даже 5 апреля распорядился направить ему подкрепления. Гитлер, Шернер и другие пришли к описанному выводу в результате умелой дезинформации германской разведки и штабов о намерениях советского командования. Хейнрихи Гитлер объявил: «К югу от вашего фронта, в Саксонии, находится более сильная группировка вражеских войск... Основной удар врага будет нанесен не по Берлину, а здесь». Он ткнул пальцем в карту, показав на Прагу.

12 апреля в Берлине узнали о скоропостижной кончине президента США Франклина Рузвельта. Геббельс поздравил фюрера, возгласив: «Звезды указывают: вторая половина апреля — поворотный пункт для нас! Вот и пришел этот поворотный

ПРАЖСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ 6–11 мая 1945 г.

- Линия фронта к исходу 5 мая
- ▶ Вооруженное восстание в Праге 5–9 мая
- Положение советских войск к исходу 9 мая
- Направления ударов войск 6–10 мая
- ▶ советских
- ▶ польских
- ▶ чехословацких
- ▶ румынских
- 11.V.1945 г. Капитуляция группы армий „Центр“
- Рубеж выхода советских войск и войск союзников 11 мая

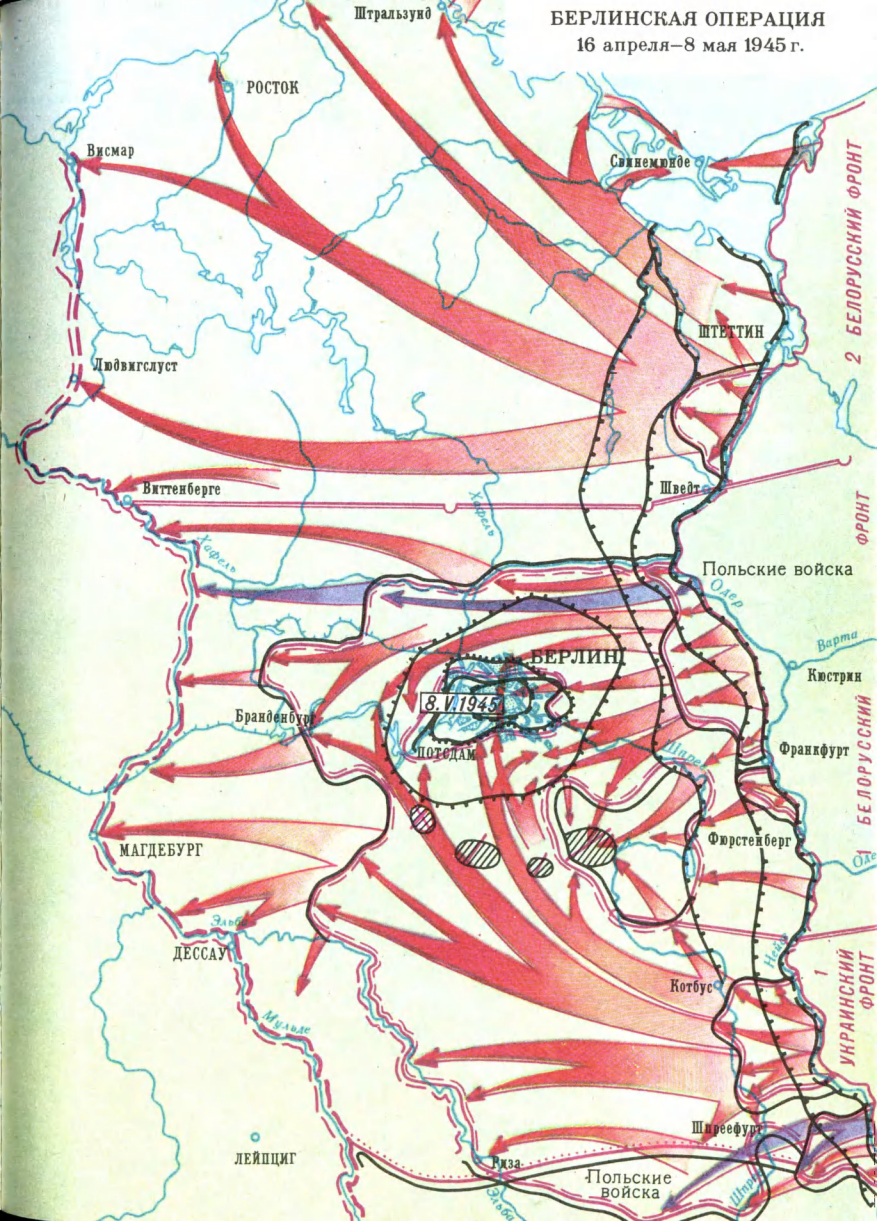
- Линия фронта к 16 апреля
- Линия фронта к 19 апреля
- Линия фронта к исходу 25 апреля
- Линия фронта на дрезденском направлении к 6 мая
- Направления ударов советских войск
- Оборонительные рубежи
- Ликвидация очагов сопротивления
- Рубеж выхода советских войск и войск союзников к концу войны
- 8.V.1945** Подписание Акта о безоговорочной капитуляции Германии

пункт!» Астрологи, естественно, подтвердили — так оно и есть. Гитлер велел призвать к себе сомневавшихся в благополучном исходе войны — министра вооружений Шпеера и прочих. Он буквально бросил им в лицо листок с сообщением о смерти Рузвельта, истерически закричав: «Вы еще будете продолжать утверждать, что мы проиграли войну!»

На следующий день он продиктовал обращение к «солдатам восточного фронта», которое надлежало огласить с началом советского наступления. Бешеная брань и запугивание, беззастенчивый обман и низкая лесть — таковы были средства, к которым прибегнул Гитлер. «Если в последующие дни и недели каждый солдат на Востоке выполнит свой долг, нашествие Азии будет сведено к нулю». В заключение он сослался на смерть Рузвельта: «Этот момент, который устранил с лица земли величайшего военного преступника всех времен, решает поворот в судьбах войны». Документ срочно разослали по частям, прикрывавшим Берлин с востока.

Генерал Бюссе, командующий немецкой 9-й армией, стоявшей против Кюстринского плацдарма, объявил своему штабу: «Если потребуется, мы будем стоять здесь насмерть».

БЕРЛИНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ
16 апреля—8 мая 1945 г.

Как взяли Берлин. С 14 и 15 апреля на 1-м Белорусском фронте свыше трех десятков разведывательных отрядов силой до батальона проводили разведку по немецкому фронту. Их действия поддерживала артиллерия, включая крупные калибры. Удалось, правда не везде, выбить гитлеровцев с первых позиций, где наши войска и закрепились. Некоторые немецкие генералы даже решили, что отбили советское наступление. Противник подтянул на вторую позицию резервы, что и ожидало наше командование. Как можно больше живой силы и техники врага должно было попасть под сокрушающий огонь во время артиллерийской подготовки наступления.

В отличие от минувших наступательных операций в наступлении на Берлин командование 1-го Белорусского фронта решило начать артиллерийскую подготовку задолго до рассвета 16 апреля. Известный советский драматург Всеволод Вишневский, очевидец происходящих событий, писал:

«6 часов 15 минут. С востока, из-за лесов, с равнин родной, благословенной России встает солнце... На всем 1-м Белорусском фронте работает до 22 тыс. орудий! Танки и самоходки катятся по полям, изрыгая огонь и подымая тучи пыли. Над полем боя несет лесной гарью. Танки-тральщики идут на минные поля, пробивая проходы для пехоты.

Гвардия двинулась по низине».

Оборона врага была подавлена на глубину до 8 км, а некоторые узлы сопротивления — даже в 10—12 км от линии фронта. С величайшим подъемом войска шли вперед, однако к середине дня продвижение прекратилось. Мощной преградой на дальнейшем пути встали сильно укрепленные Зеловские высоты, по которым проходил передний край второй оборонительной полосы. Немало укрытых на обратных скатах высот огневых точек вра-

га уцелело. Маршал Жуков вводит в дело обе танковые армии, но даже при их помощи оборона пробивалась мучительно медленно. Только к утру 18 апреля Зеловские высоты были взяты, и наши танковые соединения получили возможность наступать на широком фронте.

По-иному развернулись события на 1-м Украинском фронте. Начав наступление также 16 апреля, наши войска здесь без большого труда прорвали куда более слабую оборону врага и за первые два дня продвинулись на 15—20 км. В ночь на 18 апреля фронт получил директиву Ставки — повернуть обе танковые армии на север и направить их на Берлин. 18 апреля они форсировали реку Шпрее и прорвали третью оборонительную полосу врага. Отныне вплоть до Берлина, на подступы к которому они вышли к концу дня 20 апреля, серьезного сопротивления врага не было.

Советское наступление на Берлин немедленно отозвалось в Швейцарии. Вечером 17 апреля Гитлеру доложили, что в тайных переговорах генерала СС К. Вольфа и А. Даллеса договорились — на итальянском фронте заключается перемирие. Гитлер вызвал Вольфа и поздравил его: «Я слышал, что благодаря вашему искусству установлен первый официальный контакт с высокопоставленными американцами». Под вечер 17 апреля Гитлер открылся эсэсовским главарям Кальтенбруннеру, Фегелейну и приглашенному Вольфу: «Я хочу, чтобы фронт продержался восемь недель. Я жду, что Восток и Запад рассорятся. Мы должны любой ценой удержать итальянский форпост, а также Берлин». С этим посланием Гитлер отправил Вольфа к германскому командующему в Италии генералу Г. Виттенгофу. Все эти интриги можно было вести, только продолжая войну с неослабевающей силой.

Красная Армия, вышедшая к Берлину, встрети-

ла бешеное сопротивление. В штабах поняли: никак не удастся уложиться в установленный срок — овладеть Берлином на шестой день. «Битва разгорается! — не может сдержать волнения Всеволод Вишневский. — Наши генералы, офицеры и солдаты — в крови, опыте и традиции которых тысячелетняя сила и слава России, ее ум и гордость, — понимают, какую они ведут битву. В этой битве у наших людей на душе чисто, свято...» Они пробивались прямо с Востока, бессмертные воины 1-го Белорусского фронта. Уже вдали, на горизонте показались пока неясные очертания громадного города. В 13.50 20 апреля исторический миг — дальнобойные орудия начинают обстрел Берлина. В этот день не так давно парадами отмечали день рождения Гитлера. Теперь вместо треска барабанов свист и разрывы снарядов.

В столице оставались при Гитлере только Борман и Геббельс. На что они надеялись? Геббельс объявил Шпееру перед его отъездом из Берлина 22 апреля: «Вчера фюрер принял решение исключительной важности. Он прекратил войну на Западе с тем, чтобы англо-американские войска могли вступить в Берлин без помех». Безумная надежда! Берлин уже окружали советские войска. 24 апреля войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов соединились юго-восточнее Берлина, окружив главные силы 9-й армии, предотвратив их отход в город. А на следующий день был взят в стальное кольцо сам Берлин. В этот же день в районе Торгау части 58-й гвардейской стрелковой дивизии установили связь на Эльбе с 69-й американской пехотной дивизией.

В окружении в Берлине оказалось 300 тыс. солдат и офицеров, имевших 3 тыс. орудий и минометов, 250 танков. Для ликвидации вражеской группировки командование 1-го Белорусского и 1-го

Украинского фронтов выделило 464 тыс. войск, более 12,7 тыс. орудий и минометов, до 2,1 тыс. установок реактивной артиллерии, примерно 1500 танков и САУ. В штурме Берлина приняли участие 12,5 тыс. воинов Войска Польского.

Оборонявшиеся к концу 25 апреля занимали 325 км² площади Берлина и пригородов. Попытка равномерно сжимать кольцо неизбежно привела бы к затяжке сражения, неоправданным потерям. Поэтому Г. К. Жуков приказал действовать в отдельных секторах, добиваясь глубокого вклинения во вражескую оборону. Так обычно поступали наши войска при штурме крупных городов: были созданы штурмовые группы, вплоть до усиленных батальонов. Танки шли под прикрытием и в тесном взаимодействии с пехотой.

Путь штурмовым группам открывала артиллерия, зачастую орудия ставились на прямую наводку. Гитлер, забившийся в бункер под разбитой имперской канцелярией, все пытался «руководить». Он взывал к 12-й армии генерала Венка, находившейся у Эльбы, к западу от Берлина, которая уже повернулась спиной к американским войскам, идти на помощь. Но Венк озабочен другим: как бы пропустить через территорию, занятую его армией, побольше гитлеровцев, бежавших на Запад.

Севернее Берлина была создана армейская группа под командованием генерала СС Штейнера. Гитлер все надеялся, что воинство Штейнера обрушится на фланг 1-го Белорусского фронта. Однако с 20 апреля успешно наступали войска 2-го Белорусского фронта под командованием маршала К. К. Рокоссовского. Штейнер счел за благо игнорировать внушение из бункера имперской канцелярии и отходить на Запад. Наконец, Гитлер приказал фельдмаршалу Кейтелю разыскать Хейнрици и заставить его собрать войска и идти спасать Берлин. Кейтель

нашел Хейнрици в штабе 3-й танковой армии, отступавшей перед войсками маршала К. К. Рокоссовского. Хейнрици отказался выполнить, как он выразился, «самоубийственный приказ». Кейтель на месте снял Хейнрици с поста командующего группой армий «Висла», которая, за исключением частей, окруженных в Берлине, частично разбежалась, а по большей части стремительно уходила на Запад, чтобы сдаться в плен.

Тем временем в Берлине к вечеру 28 апреля вражескую группировку расчленили на три части. На следующий день бои переместились в район рейхстага, где дрались отборные, фанатично настроенные гитлеровские части. В самом рейхстаге засел гарнизон из тысячи человек, вооруженных до зубов. Прочное здание рейхстага было окружено различными заграждениями, включая глубокие рвы. Только вечером 30 апреля советским воинам, преодолев яростное сопротивление, удалось ворваться в здание рейхстага. На лестницах, в коридорах и комнатах продолжался жестокий бой, зачастую переходивший в рукопашные схватки.

30 апреля Гитлер покончил жизнь самоубийством, а утром 1 мая на фронте рейхстага взвилось Красное знамя, водруженное советскими воинами. То был символ великой Победы.

В последние часы существования фашистского рейха наследники Гитлера не оставили попыток следовать его тактике — вызвать раскол среди союзников. Преемник Гитлера гросс-адмирал Дениц организовал в Шлезвиг-Гольштейне «временное имперское правительство». Он декларировал необходимость борьбы против СССР до конца и прекращение войны на Западе. А в Берлине в расположение советских войск в 3 часа дня явился начальник германского генерального штаба сухопутных войск генерал Кребс. Командующий 8-й гвардей-

ской армии генерал-полковник В. И. Чуйков выслушал то, что сообщил Кребс по поручению Геббельса: Гитлер покончил с собой, в Берлине временно прекращаются военные действия для подготовки мирных переговоров между Германией и СССР. К этому сообщению был приложен список членов нового «имперского правительства» Деница.

Маршал Г. К. Жуков доложил о предложениях Кребса в Ставку Верховного Главнокомандования. В ответ было поручено потребовать немедленной и безоговорочной капитуляции берлинского гарнизона. В 18 часов 1 мая гитлеровцы отвергли это требование.

Через полчаса вся советская артиллерия в Берлине была приведена в действие, а наступление на расчлененную вражескую группировку продолжалось с всевозрастающей силой. В ночь на 2 мая советские воины овладели имперской канцелярией. Под градом тяжелых снарядов радиостанция штаба берлинской обороны, наконец, заговорила по-русски. В 1 час 50 минут 2 мая она передала сообщение о согласии прекратить военные действия. В 6.30 утра из облаков пыли и дыма на советской передовой появился генерал Вейдлинг, представившийся командующим обороной Берлина. Вместе со своим штабом он пришел сдаваться. Без лишних слов был подписан приказ о капитуляции гарнизона города. К 15 часам 2 мая боевые действия в Берлине закончились! Победа!

По разбитым улицам, мимо груд поверженной боевой техники потянулись колонны пленных. За один день 2 мая в городе сдалось 135 тыс. солдат и офицеров. Жуткое зрелище предстало перед советскими воинами в бункере под имперской канцелярией — трупы самоубийц, начиная с Кребса и адъютанта Гитлера генерала Бургдорфа. В комнате, где размещалась семья Геббельсов, трупы их

шести отравленных детей. В изрытом воронками саду нашли полусожженные тела Геббельса и его жены. По его приказу охранник застрелил обоих. С трудом опознали в обуглившемся трупe в воронке, присыпанной землей, Гитлера. Рядом валялась отравленная собака фюрера...

Когда в советских штабах подвели итоги Берлинской операции, то подсчитали: разгромлено 12 танковых, 11 моторизованных и 70 пехотных дивизий, добыта германская авиация. Захвачено 11 тыс. орудий и минометов, более 1,5 тыс. танков и штурмовых орудий, 4,5 тыс. самолетов и огромное количество самой различной боевой техники и транспортных средств. Подняли руки в общей сложности 480 тыс. вражеских солдат и офицеров.

Капитуляция Германии. Незабываемые майские дни 1945 г. В центре Германии победители ликвидируют последние остатки сопротивления. Идут колонны войск, а навстречу радостные толпы тех, кто дожился до победы. Люди, насильственно угнанные в Германию, торопятся в родные края. На измученных, исхудавших лицах улыбки — выжили! И тут же люди, как тени, в полосатых куртках и брюках — недавние заключенные гитлеровских концлагерей. Их спасла от верной смерти Красная Армия.

1 мая советские танкисты догнали 45-тысячную колонну заключенных, в основном советских людей, которых нацисты гнали к Любеку, чтобы посадить там на баржи, вывезти в море и утопить. Это были заключенные из концентрационного лагеря Заксенхаузена, вблизи Берлина. Гитлеровцы эвакуировали лагерь сразу после начала советского наступления на Берлин и более 10 дней гнали измученных, голодных людей под конвоем эсэсовцев, пристреливавших тех, кто не был в состоянии идти дальше.

Советские танки подоспели в самый решающий момент — восставшие заключенные вступили в бой с охраной.

Нацисты до последнего не хотели расставаться со своей добычей, которой считали и военнопленных. Около двух недель продолжались странствия под конвоем 12 тыс. английских военнопленных, эвакуированных из лагеря в 357 км севернее Ганновера. Они шли, имея впереди оркестр из шотландских волынок, проходя в военном строю через немецкие населенные пункты. Летчики английских самолетов как-то приняли колонну за воинскую часть и атаковали ее, убив более 60 военнопленных. Английский офицер Динз, чтобы избежать повторения инцидента, отправился через фронт с немцем-конвоиром в распоряжение союзных войск. Он объяснил в штабе, где находится колонна, и вернулся к пленным. Через пару дней под пронзительные звуки волынок они вернулись к своим. Немецкая охрана выстроилась перед Динзом и группой бывших военнопленных. Короткое военное прощание, и теперь конвоиры отправились в лагерь для военнопленных.

В той сумятице, которая царила в Европе в последние недели войны, широко развернулась деятельность американских и английских спецслужб. Авиация западных союзников с весны 1945 г. провела широкую аэрофотосъемку в Европе, в том числе районов, освобожденных Красной Армией. Всего было снято с воздуха до 2 млн. кв. миль, включая Югославию, Болгарию и всю территорию Германии, занятую Красной Армией. Беззастенчивые полеты союзных самолетов вызвали массу протестов с советской стороны.

По указанию Донована агенты УСС проникали на территории, освобожденные Красной Армией. Некий П. Долан был направлен лично Донованом

в Чехословакию. Он проехал почти 400 км по территории, контролируемой гитлеровцами, в немецкой военной автомашине в шинели генерала вермахта, надетой на американский военный мундир. Путешествие заняло четверо суток. В Чехословакии Долан встретил советских танкистов. По указанию Донована он представился со своей группой как американские военнопленные, освободившиеся из лагеря. Долан прибил к советской части и проделал с ней путь почти до Праги. Не доезжая до столицы Чехословакии, Долан сбежал от своих освободителей и занялся какими-то темными делами.

Весной 1945 г. советские войска нередко шли по тем же дорогам, на которых в 1813 г. видели русских воинов — освободителей Европы от Наполеона. История повторилась, с Востока, из России, пришла в Европу свобода. 28 апреля 1945 г. у памятника русским воинам в немецком городе Бунцлау, где было похоронено сердце М. И. Кутузова, в 132-ю годовщину со дня его смерти состоялся митинг. Более тысячи представителей от частей фронта собрались у темносерого трехгранного гранитного обелиска в центре Бунцлау, на котором высечено: «До сих мест полководец Кутузов довел победоносные войска российские, но здесь смерть положила предел его славным делам. Он спас Отечество и открыл путь освобождения Европы. Да будет благословенна память героя».

Командующий 1-м Украинским фронтом И. С. Ковнев приказал: «Всем войсковым частям фронта и отдельным военнослужащим при прохождении мимо могилы и памятников фельдмаршалу Кутузову отдавать воинские почести». Иногда в наступающих частях советских войск политрабатники оглашали старый приказ фельдмаршала Кутузова: «Заслужим благодарность иноземных народов и заставим Европу с удивлением восклицать: непобедимо воинство русское в боях и неподражаемо в великодушии и доб-

родетелях мирных! Вот благородная цель, достойная воинов. Будем же стремиться к ней, храбрые русские солдаты...». Волнующие слова приказа завершали троекратные салюты.

Победной весной 1945 г. мир видел и знал: свободу народам Европы несли советские солдаты, правнуки воинов армии М. И. Кутузова. Главари разбитой Германии попытались помочь Западу украсть славу великой победы у нашей страны. Рассчитывая на определенные круги в США и Англии, «правительство» Деница прилагало отчаянные усилия, чтобы добиться сепаратной капитуляции перед западными союзниками. С 29 апреля они начали принимать капитуляцию различных группировок вермахта — в Италии, Голландии, Шлезвиг-Гольштейне и Дании, в Баварии и западной Австрии. 6 мая в ставке Эйзенхауэра в Реймсе появился присланный Деницем генерал Йодль, который принялся уговаривать американцев заключить перемирие на Западе, а Германия будет продолжать войну на Востоке.

Наглость преемников Гитлера поистине не знала пределов. Они не видели, что США и Англия в то время никак не могли пойти на разрыв с СССР. Антифашистская, освободительная война заканчивалась как триумф свободолюбивых народов. Весь мир был преисполнен благодарности и признательности Советскому Союзу, главной силе, сокрушившей фашизм. Какие бы планы ни вынашивали крайние реакционеры в Вашингтоне и Лондоне, тогда они были не в состоянии повергнуть настроения самых широких народных масс. И другое соображение — после победы в Европе предстояло завершение войны против Японии. Без участия СССР боевые действия на Дальнем Востоке и Тихом океане должны были затянуться на долгое время.

Этим и было продиктовано категорическое требование Эйзенхауэра Йодлю — подписывать прото-

кол о капитуляции на всех фронтах. В 2 часа 47 минут 7 мая в Реймсе был подписан протокол, предусматривавший прекращение активных боевых действий с 23 часов 01 минуты 8 мая. Если в США и Англии были готовы объявить об окончании войны, то в Москве придерживались другого мнения. Советское командование не было уверено, что немецкие войска прекратят борьбу.

Советское правительство настояло на том, чтобы считать подписание протокола в Реймсе предварительной капитуляцией. Как подчеркнул И. В. Сталин, капитуляция должна быть «принята не на территории победителей, а там, откуда пришла фашистская агрессия: в Берлине, и не в одностороннем порядке, а обязательно верховным командованием всех стран антигитлеровской коалиции».

В то время как в Берлин для торжественной церемонии прибывали представители США, Англии и Франции, Красная Армия продолжала боевые действия против крупной немецкой группировки Шернера в Чехословакии. Еще 5 мая в Праге началось восстание. Немецкие части, стремившиеся уйти на Запад, обрушились на восставших, перехватывавших им пути для отступления. Началась неравная борьба пражан с вермахтом. Радио Праги вышло в эфир с просьбой о помощи. Советское командование ускорило подготовку операции по окончательному освобождению Чехословакии.

6—7 мая войска 1-го Украинского фронта двинулись с севера на Прагу, а 2-й Украинский фронт шел с востока. Сломив сильное сопротивление, танкисты 1-го Украинского фронта к вечеру 8 мая вышли на территорию Чехословакии.

А в предместье Берлина, в Карлсхорсте, в полночь 8 мая началась церемония подписания Акта о безоговорочной капитуляции Германии. Принятие капитуляции от СССР было поручено замести-

телю Верховного Главнокомандующего Маршалу Советского Союза Г. К. Жукову. Верховное командование союзных войск представляли: от Англии — главный маршал авиации А. Теддер, от США — генерал К. Спаатс и главнокомандующий французской армией генерал Делатр де Тассиньи.

С немецкой стороны Акт о безоговорочной капитуляции подписал уполномоченный Деница фельдмаршал Кейтель. В 0.43 минуты 9 мая церемония закончилась. Утром пришли известия — к 10 часам Прага освобождена.

Война в Европе окончилась. Фашистская Германия и ее сателлиты повержены. Советский народ и все прогрессивное человечество праздновали Победу.

Победа над врагом показала превосходство Красной Армии, ее стратегии и тактики. Наши войска привели к триумфу прославленные полководцы, и первым среди равных по праву называют имя Маршала Советского Союза Георгия Константиновича Жукова.

24 июня 1945 г. на Красной площади состоялся парад в ознаменование Победы над Германией в Великой Отечественной войне, которым командовал Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский, а принимал Маршал Советского Союза Г. К. Жуков.

В параде бессмертных приняли участие десять сводных полков от всех фронтов. В них вошли солдаты, сержанты, старшины, офицеры и генералы, особо отличившиеся в сражениях. Знаменосцы несли боевые знамена, под которыми был завершен разгром врага. В тот исторический день через Красную площадь пронесли 360 знамен, овеянных славой, увенчанных боевыми орденами.

После того как прошли сводные полки героев, 200 бойцов под барабанный бой бросили к подножию

Мавзолея В. И. Ленина 200 знамен поверженных войск вермахта.

Исполненный глубокой символики, этот исторический момент навеки запечатлел победителей.

Итоги войны по сей день не дают покоя нашим недругам. Некий американский профессор истории писал в «Нью-Йорк Таймс» 30 апреля 1985 г.: «Мы на Западе должны покончить с мифом о том, что не могли бы выиграть войну без помощи Советского Союза... Сталин не смог бы нанести поражение Гитлеру без денег, продовольствия и военных материалов, которые он получил по американскому лендлизу».

Лучшим опровержением этих домыслов служат цифры и факты. Все поставки по ленд-лизу Советскому Союзу по стоимости составили 3,5% от американских расходов на войну и около 4% к отечественному военному производству. По сравнению с тем, что было произведено в СССР, из США и Англии было получено: по авиации — 10%, по танкам — 6,3%, по артиллерии — 1,5%. Доля зерна, полученного от западных союзников, составила 1,6% от отечественных заготовок.

Большая часть вражеской военной техники была уничтожена в сражениях с Красной Армией: до 75% танков и штурмовых орудий, 75% самолетов, 74% артиллерийских орудий. Потери вермахта на советско-германском фронте в 6 раз превысили урон, который он понес на других театрах военных действий.

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков в речи, обращенной к воинам Красной Армии, ко всем трудящимся Советского Союза на параде Победы 24 июня 1945 г., сказал: «На советско-германском фронте был растоптан авторитет германского оружия и предreshен победоносный исход войны в Европе. Война показала не только богатырскую силу и беспримерный героизм нашей армии, но и полное превосходство нашей стратегии и тактики над стратегией и тактикой врага... В Отечественной войне, — продолжал он, — Красная Армия с честью оправдала великое доверие народа. Ее славные воины достойно выполнили свой долг перед Родиной. Красная Армия не только отстояла свободу и независимость нашего Отечества, но и избавила от немецкого ига народы Европы.

Отныне и навсегда наша победоносная Красная Армия войдет в мировую историю как армия-освободительница, овеянная ореолом немеркнущей славы».

Весна Победы

Яковлев Николай
Николаевич

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО
ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Художник
Б. А. Шляпугин

Заведующий редакцией
В. Ю. Кирьянов

Редактор
Н. Н. Габисония

Младший редактор
Е. Б. Крышкина

Редакторы-картографы
Е. Н. Лебедева
А. В. Ковалева

Художественный
редактор
А. В. Проценко

Технические редакторы
Е. Э. Пчурова,
Т. Е. Морозова

Корректор
В. Н. Рейбекель

Содержание

К читателю

21

Зима тревог и надежд

23

От Вислы до Одера

40

Операции на флангах

59

Победоносный финал

95

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПЕДАГОГИКА»

ИБ № 900

Сдано в набор 22.03.85.

Подписано в печать
05.08.85. Формат 70×

×100/32. Бумага офсет-
ная № 1. Печать офсет.

Гарнитура школьная. Усл.
печ. л. 5,16. Уч.-изд. л. 5,95.

Усл. кр.-отг. 21,12. Тираж
200 000 экз. Заказ 1724.

Цена 40 коп.

Издательство «Педаго-
гика», Академии педаго-
гических наук СССР и

Государственного коми-
тета СССР по делам из-
дательств, полиграфии и

книжной торговли.
107847, Москва, Лефор-
товский пер., 8.

Ордена Трудового Крас-
ного Знамени Калинин-
ский полиграфический

комбинат Союзполиграф-
прома при Государствен-
ном комитете СССР по де-
лам издательств, полигра-
фии и книжной торговли.
г. Калинин, пр. Ленина, 5.

40 коп.

Читайте
следующую
книгу
серии

«Ученые —
школьнику»!

●
Книга посвящена одной из
наиболее острых проблем
современности — взаимодействию
общества и природной среды.

●
Как становился человек
властителем природы и какие
проблемы он этим для себя
создал?

●
Сколь велика сегодня
ответственность каждого из нас
за сбережение природы и для
себя, и для будущих поколений?

●
Об этом и многом другом
рассказывает известный
журналист, доктор философских
наук И. Д. Лаптев в книге
«Испытание разума»
(2-е издание).

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПЕДАГОГИКА»

ЗА СТРАНИЦАМИ УЧЕБНИКА
SHEVA.SPB.RU/ZA

ХОЧУ ВСЁ ЗНАТЬ (ТЕОРИЯ)

ЮНЫЙ ТЕХНИК (ПРАКТИКА)

ДОМОВОДСТВО (УСЛОВИЯ)